P8 3/69

Шахматов
Звуковые особенности
Ельнинских и Мосальских
говоров
Р8 3/69
232 ~~234~~

ЗВУКОВЫЯ ОСОБЕННОСТИ

Ельнинскихъ и Мосальскихъ говоровъ.

Въ заключительныхъ строкахъ моихъ „Изслѣдованій въ области русской фонетики“ я выразилъ сожалѣніе о томъ, что не могу представить описанія тѣхъ отношеній, въ которыхъ находятся звуки *о*, *а*, *е* въ современныхъ сѣверно- и южно-великорусскихъ говорахъ. Въ моемъ распоряженіи не было тогда достаточно надежнаго матеріала въ видѣ записей или наблюденій надъ живыми говорами. Это обстоятельство дало возможность нѣкоторымъ ученымъ, разбиравшимъ мою книгу, высказать мнѣ упрекъ въ томъ, что я строю слишкомъ искусственные выводы, такъ какъ трудно судить о прошедшей жизни языка, не имѣя точныхъ данныхъ объ его современномъ составѣ.

Настоящее изслѣдованіе должно пополнить указанный пробѣлъ въ моей работѣ: онъ не позволялъ и мнѣ удовольствоваться сдѣланными въ ней выводами.

Остановлюсь здѣсь на звуковыхъ явленіяхъ, представляемыхъ современными говорами двухъ сосѣднихъ уѣздовъ — Ельнинскаго Смоленской и Мосальскаго Калужской губерній. Говоръ Ельнинскаго уѣзда извѣстенъ мнѣ по превосходнымъ записямъ В. Н. Добровольскаго въ составленномъ имъ „Смоленскомъ Этнографическомъ Сборникѣ“ (ч. I, С.-Пб. 1891; ч. II, С.-Пб. 1894).

Познакомившись съ этимъ Сборникомъ послѣ поѣздки въ сосѣднюю съ Смоленской Калужскую губернію,

420095

я тотчасъ же замѣтилъ, какъ точно передаетъ г. Добровольскій звуковыя особенности Смоленскихъ говоровъ, которые въ общемъ очень близки къ говорамъ изслѣдованныхъ мною уѣздовъ Калужской губерніи Мосальскаго, Жиздринскаго и Мещовскаго. Но приступить къ изслѣдованію записей г. Добровольскаго оказалось возможнымъ только послѣ того, какъ онъ любезно сообщилъ мнѣ, въ какой именно мѣстности Смоленской губ. записана та или другая сказка или пѣсня. Говоры Ельнинскаго уѣзда интересовали меня въ особенности въ виду того, что сѣверная часть Мосальскаго уѣзда по сообщеніямъ, полученнымъ мною на мѣстѣ, говоритъ такъ же, какъ жители этого лѣсного уѣзда сосѣдней губерніи. Вотъ почему я ограничиваюсь въ настоящемъ изслѣдованіи изъ всего матеріала г. Добровольскаго только тѣмъ, что онъ записалъ въ Ельнинскомъ уѣздѣ. Въ подстрочномъ примѣчаніи сообщено, какіе нумера пѣсенъ и сказокъ отмѣчены въ его письменномъ сообщеніи какъ Ельнинскіе [1]). Замѣчу еще, что записи г. Добровольскаго по Ельнинскому уѣзду представляютъ особый интересъ еще по тому, что мѣстность, откуда онъ родомъ и гдѣ онъ постоянно живетъ, пограничена съ этимъ уѣздомъ:

---

[1]) Къ Ельнин. у. отнесены въ 1-мъ вып. №№ 11—16, 18, 20—23, 25—27, 31—35, 38—40, 44—49, 51, 52, 54—63, 66—72, 76, 77, 93, 94, 97—104 (с. 1—165); 1 (с. 167), 2—6 (167—172), 8 (173), 1 (173), 4—7 (174—177), 1—2 (177—178), 2 (180), 4 (182), 5, 6 (184), 9 (186), 2, 3 (187—188), 4, 5, 6, 1, 1, 2, 3, 1—4, 1, 1, 1, 1 (190—198), 1 (199), 1 (201), 2—4 (201), 6, 7, 1—3 (202—205), 4, 5, 1, 1, 1, 1, 1, 1, 1, 1 (205—208), 2, 1, 2 (209), 1, 1—3 (210—211), 1 (212), 1, 1, 1, 1 (214—215) 1 (215), 1 (216), 2, 3 (204), 9—12, 17, 19—27, 31, 39, 43, 49—53, 56, 57, 61, 62 (с. 224—291), 2, 3, 5, 14 (292—295), 8, 11, 12, 14—18, 23—25, 29—30, 32, 33, 35—39 (с. 397—632), 1—8 (с. 633—649), 1, 3, 4, 6, 10 (с. 652—662), 4—14, 19 (с. 678—708), 1, 2 (711, 712). Во II вып. мѣстность обозначена составителемъ, кромѣ №№ 54, 53, 471, 472, 473, 474—496, 498, 499, 500—506, которые Ел. уѣзда.

очевидно, г. Добровольскій имѣлъ возможность основательно познакомиться съ Ельнинскимъ говоромъ, что впрочемъ онъ и доказалъ своими превосходными записями. Я увѣренъ, что Ельнинскіе говоры не могутъ рѣзко отличаться отъ говоровъ сосѣдняго—Смоленскаго уѣзда, откуда родомъ г. Добровольскій, увѣренъ также, что собиратель могъ смѣшивать звуки говора ему наиболѣе знакомаго (говора родного села) со звуками сосѣднихъ говоровъ; тѣмъ не менѣе для большей опредѣленности я ограничиваюсь только тѣмъ матеріаломъ, который, по сообщенію собирателя, записанъ въ Ельнинскомъ уѣздѣ.

Положивъ въ основаніе изслѣдованія разсмотрѣніе звуковыхъ особенностей Ельнинскихъ говоровъ, я привлекаю для сравненія съ ними свои замѣтки о говорахъ Мосальскаго уѣзда. Лѣтомъ прошлаго 1895 года мнѣ удалось познакомиться съ говорами южной части этого уѣзда, сосѣдящими съ Жиздринскимъ уѣздомъ, а также частію и восточныхъ окраинъ уѣзда, граничащихъ съ Мещовскимъ уѣздомъ. Не буду распространяться здѣсь насчетъ положенія этихъ Мосальскихъ, а также весьма близкихъ къ нимъ Жиздринскихъ и Мещовскихъ говоровъ въ семьѣ говоровъ южновеликорусскихъ; вопросъ объ отношеніи ихъ къ говорамъ бѣлорусскимъ съ одной, южновеликорусскимъ съ другой стороны можетъ составить предметъ особаго изслѣдованія; выскажу только свое убѣжденіе въ томъ, что ни Калужскіе, ни Смоленскіе говоры въ большей ихъ половинѣ не могутъ быть отнесены къ бѣлорусской семьѣ; это промежуточные говоры между обѣими великими семьями — южновеликорусской и бѣлорусской, при чемъ типическія, наиболѣе характерныя особенности той и другой сложились на окраинахъ, — на западѣ въ центрахъ Литовско-русскаго государства, на востокѣ — въ Москвѣ.

Предметомъ настоящаго изслѣдованія является судьба звуковъ *о*, *а*, *е* въ неударяемыхъ слогахъ въ Ельнинскихъ и Мосальскихъ говорахъ. Можетъ быть, впослѣдствіи я обращусь къ изложенію и другихъ фонетиче-

скихъ и формальныхъ особенностей этихъ говоровъ. Разсмотрѣвъ, какіе звуки являются въ Ельнинскихъ говорахъ на мѣстѣ общерусскихъ *о*, *а*, *е (ѣ)* въ слогахъ неударяемыхъ, я вслѣдъ за этимъ постараюсь установить связь между современными звуковыми явленіями и явленіями болѣе отдаленныхъ эпохъ, наконецъ сопоставлю звуки Ельнинскихъ говоровъ съ звуками Мосальскаго, а также нѣкоторыхъ другихъ говоровъ южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ.

Г. Добровольскій не далъ намъ описанія звуковъ Ельнинскихъ говоровъ и поэтому мы можемъ судить о ихъ свойствѣ только по его записямъ. Не буду останавливаться на нѣкоторыхъ неточностяхъ въ передачѣ собирателемъ слышанныхъ звуковъ, напр. на тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ писалъ подъ вліяніемъ книжнаго письма букву *о* на мѣстѣ звука *а* (спроси, двору и т. п.) или буквы *е*, *ѣ* на мѣстѣ звука *а*, *и* (исцѣленія, вѣковъ, рѣка, сметаны и т. п.): при опредѣленіи звуковъ Ельнинскаго говора я исхожу изъ того предположенія, что буквы въ записяхъ г. Добровольскаго приблизительно точно передаютъ звуки, что тамъ, гдѣ мы читаемъ *а*, *ы*, *и*, *у*, дѣйствительно слышатся или эти самые звуки или же звуки близкіе къ нимъ, сходные съ ними.

Звуки *о*, *а*, *е* въ неударяемыхъ слогахъ могутъ быть разсматриваемы I въ положеніи въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію, II въ слогахъ передъ удареніемъ, но отдаленныхъ отъ него, III въ слогахъ слѣдующихъ за удареніемъ, при томъ неконечныхъ открытыхъ, IV въ слогахъ конечныхъ открытыхъ, V въ энклитикахъ и въ словахъ не имѣющихъ самостоятельнаго ударенія. Изслѣдуя звуки въ этихъ различныхъ положеніяхъ, слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что звуки *о*, *а* въ положеніи послѣ твердыхъ согласныхъ должны быть разсматриваемы отдѣльно отъ тѣхъ же звуковъ въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ; отдѣльно также должно разсмотрѣть звуки *а*, *о*, *е* послѣ смягченныхъ и послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ (каковы *ж*, *ш*, *ч*, *ц* въ из-

слѣдуемыхъ говорахъ); кромѣ того въ положеніи звуковъ *о*, *а*, *е* послѣ смягченныхъ согласныхъ, надо различать случаи, гдѣ за ними слѣдуютъ твердыя согласныя, отъ тѣхъ, гдѣ за ними являются смягченныя согласныя; наконецъ есть еще цѣлый рядъ условій, при которыхъ тѣ же звуки, будучи въ одномъ изъ указанныхъ положеній, измѣняются различно въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ фонетическихъ причинъ.

Сравнительное изученіе русскихъ говоровъ убѣждаетъ насъ, что въ общерус. языкѣ, а также въ болѣе позднюю эпоху — эпоху велико-бѣлорусск. единства были извѣстны слѣдующіе звуки: *а*, *о*, *е* (въ которое перешло съ теченіемъ времени и *ѣ*), при чемъ болѣе внимательное изслѣдованіе открываетъ еще различные оттѣнки этихъ звуковъ, каковы напр. e^1 (*е* закрытое), e^2 (*е* открытое) и др. Пока я оставлю въ сторонѣ эти оттѣнки и разсмотрю судьбу звуковъ *а*, *о*, *е* въ Ельнинскихъ говорахъ въ зависимости отъ указанныхъ выше положеній въ словѣ.

I. Слогъ непосредственно предшествующій ударенію. Отдѣльно слѣдуетъ остановиться: A, на начальныхъ въ словѣ *о*, *а*; B, на звукахъ *о*, *а* послѣ твердыхъ согласныхъ; C, на звукахъ *о*, *а*, *е* послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ; D, на звукахъ *о*, *а*, *е* послѣ смягченныхъ согласныхъ.

A. Звукамъ *а*, *о* въ началѣ слова соотвѣтствуетъ или звукъ *а*, или звукъ *и*. Опредѣлить ближайшимъ образомъ характеръ такого *а* нельзя, но весьма вѣроятно, что въ цѣломъ рядѣ случаевъ мы имѣемъ дѣло со звукомъ *а* полнаго образованія. Такъ мы находимъ *а* въ адежа 435, агонь 467, агню 468, адно 468, адинъ 335, абсѣить 199, аткрыў 375, атперъ 375; ана 435, атдаў 343, аднажды 341, агня 468, аўса 510, 373 и т. д.

Напротивъ, и при томъ при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, находимъ *и*: ибѣдъ 397, ибсѣить 193, ибѣдню 647, ибѣдня 80, ибъ полъ 129, ибъ чомъ 111, 512, итъ Госпада 199, игню 636, 467, на игни 172, ины 188, идинъ

137, ипять 79, 165, 476, 653 и др., ина 532 и др., иднакажъ 95, иднажды 690, итца 195, иднача 164, итправіуся 645, итдамъ 644, итъ насъ 648, имбарамъ 647, іуца 211, іуса 128 и др.

Въ положеніи послѣ гласной предлога такое *и* можетъ перейти въ *й*; такъ объясняется *й* въ найстріу 296, зайстрилъ 86. Срав. переносъ *и* изъ формы истрить въ такихъ случаяхъ съ переносомъ его послѣ предлоговъ оканчивающихся на согласную: к ибѣду 636, въ имбаръ 100, 713, у въ имбари 713, съ іусомъ 222, ибъ іуцахъ 215. Рядомъ болѣе первоначальныя отношенія въ случаяхъ какъ: к абѣду 636, к абѣдни 343, у въ амбари 713.

Любопытно, что одно и тоже лицо произноситъ въ началѣ слова и *а* и *и*, какъ это видно изъ примѣровъ на сс. 713, 467, 468, 636.

В. Звуки *а*, *о* послѣ твердыхъ согласныхъ надо разсматривать: 1) въ положеніи передъ слогомъ съ ударяемой гласной *а*, 2) въ положеніи передъ слогомъ съ другой ударяемой гласной.

1. Вмѣсто первоначальныхъ *а*, *о* въ положеніи *передъ ударяемымъ а*, мы находимъ звуки *у*, *ы* и звукъ, изображенный буквою *а*, при чемъ однако это не чистое *а*, а вѣроятно то краткое и вмѣстѣ съ тѣмъ глухое *а*, которое при томъ же положеніи является въ калужскихъ говорахъ, напр. въ словахъ: стака́нъ, гада́, Ната́ша. Кажется, это звукъ *а*, образующійся при томъ суженіи въ полости рта, которое необходимо для произведенія звуковъ передняго ряда: *е*, *і*. Такъ я читаю букву *а* напр. въ каня 375, манахъ 335, запла́кала 343, задатыкъ 342, дасады 163, парядкымъ 472, ў парядки 79, гара 492, стаўба 492, трава 434 и мн. др.

Съ этимъ звукомъ *а* уже по физіологическому своему образованію весьма близокъ звукъ *ы*, представляющійся звукомъ задняго ряда, произнесеннымъ при томъ положеніи губъ, при томъ видоизмѣненіи въ полости рта, которымъ характеризуются звуки передняго ряда. Понятно, почему вм. *а* мы нерѣдко найдемъ *ы*, при чемъ

весьма вѣроятно, что собирателю нерѣдко приходилось писать *ы* на мѣстѣ звука *а* указаннаго выше образованія и обратно *а* на мѣстѣ *ъ*. Такое *ъ* мы находимъ напр. въ двыра 134, 657, ныга 499, пагыняить 499, дычка́ 513, два карыба́ 470, рысла 470, быятца 247, 344, 443 и др., на крывати 234, стыять 663, быяръ II, 18, сыта 290, стрыдать 468, кыда 467, пылаты 434, сыбака 656, тыда 470, рыгатину 468, два кыўша 468, у гырячныети 469, стыкана 99, удыва 88, дыгынять 109, пырядку 79, II, 333, прыпали 693, гылыва 472, тыварышъ 548, малыда 516, дысаду 347, дыстать 279, 469, пыхвалють II, 142 и мн. др.

Звуки *а* указаннаго образованія и *ъ* при извѣстныхъ условіяхъ замѣняются звукомъ *у*: очевидно эти условія вліяли на утрату ими тѣхъ особенностей, которыми характеризуется произношеніе звуковъ передняго ряда, и вслѣдствіе этого долженъ былъ наступить переходъ ихъ въ звукъ задняго ряда. Опредѣляя ближе указанныя условія, видимъ, что переходъ *а—ъ* въ *у* имѣетъ мѣсто: α) въ положеніи между губными согласными: пупа́ 115, 556, 685, пумяў 476, пупами 292, пу праўди 400, пубратаимся 401, сумува́ръ 296 и т. д. (ўпываўши 402 представляется исключеніемъ), β) въ положеніи послѣ *л*, если затѣмъ слѣдуетъ губная согласная, т. е. между *л* и губной согласной: лумать 641, съ лупатыю 436, 440, лупату 500, слумалась 626, γ) въ положеніи между губной и неслоговымъ *у* изъ *л*: вуўка́ 497 (волка), δ) въ положеніи послѣ слога съ гласною *у*: дурука́ 471, 498 (дураку 471), супустата 205. Что касается до *у* въ букалъ 557 (бакалъ тамъ же), то на этомъ словѣ можно и не останавливаться, какъ на словѣ иностранномъ. Въ глаголахъ на *уватъ* вм. *оватъ* (варувать 250, таргувалъ 165, закувать 107, гатувать 442 и др.) звукъ *у* явился вѣроятно нефонетически вм. *о* подъ вліяніемъ формъ настоящаго времени (варую, таргую), ср. заплювалъ 83. пагарювали 247 вм. -ивалъ, -ивали подъ вліяніемъ наст, на -ою: формы на *-аватъ* видимъ напр. въ абрадаваўся

636, жалаватца 625, атпразднывали 631, форму на *-иватъ* въ палудниват 108. Происхожденіе *у* вм. *о* въ прилагательныхъ какъ винуватая 86, гарлуватая 297 не ясно: можетъ быть, явившись фонетически въ нѣкоторыхъ изъ прилагательныхъ на *-оватый*, какъ напр. гарлуватый, звукъ *у* вм. *о* переносился въ другія по аналогіи.

2. Въ положеніи *передъ прочими ударяемыми гласными (о, у, е, ъ, и)* мы находимъ послѣ твердыхъ согласныхъ вм. *о*, *а* правильно и постоянно звукъ *а* чистый и полнаго образованія: такое именно значеніе я придаю буквѣ *а* въ этихъ случаяхъ на основаніи извѣстнаго мнѣ произношенія въ говорахъ калужскихъ, гдѣ при стака́нъ, гара́ съ *а* нечистымъ, глухимъ, близкимъ къ *ъ*, слышится ясное *а* въ гаро́ю, вадѣ, нагу́ и т. д. Ср. въ записяхъ Добровольскаго: папу 590, у гарѣ 163, даріу 435, даѣхаў 435, халодный 493, карьмила 493, дарогу 677, хади-ка 591, пашли 591, магилки 591, пакупками 498 и т. д.

Такое чистое *а*, конечно, не чередуется со звуками *ъ* и *у*, въ противоположность звуку *а* въ словахъ какъ вада, рагатина, ската. Необходимо поэтому остановиться подробнѣе на кажущихся исключеніяхъ, гдѣ вмѣсто *а* чистаго являются звуки *ъ*, *у*.

Вм. звука *а* южновеликор., *о* сѣверновеликор. говоровъ мы находимъ здѣсь *ъ* въ положеніи послѣ звуковъ *р* и *л* и въ соотвѣтствіи древнему *ъ*: такое же *ъ* находимъ въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ говорахъ, откуда видимъ, что *ъ* является здѣсь не вмѣсто *а*, а вмѣсто *ъ*. Сюда относятся случаи, какъ крывѝ 656, на брывяхъ 189, крывей 185, 218, у крыви 437 (что до крави 203, 207, крававыю 242, то они подражаютъ церковному произношенію въ тѣхъ заговорахъ, гдѣ они встрѣчаются), дрыжить 476, задрыжѣў 629 (что до дражить 510, 591, то оно или заимствовано изъ другихъ говоровъ, или имѣетъ *а* подъ вліяніемъ *о* въ дрожь), праглытить 646, праглытіўши 624 (что до праглатила, то *ла* здѣсь новое, ср. сказанное выше о дражить). Въ ухвытіўся 663 (тамъ же

ухватіўся) корень хвыт- замѣнилъ хват- вѣроятно подъ вліяніемъ корня хыт- (похитить), ср. польск. chwytać, chwycić. Въ словахъ уздыхнуў II, 205, атдыхни 347, 513, патдыхнуть 129, паддыхни 347, паатдыхнули 398 видимъ *ы* вм. ожидаемаго *а* подъ вліяніемъ дых- въ дышать (ср. въ сѣверновел. говорахъ вздыхъ при вздохъ). Въ сыйдитя 170, падышолъ 122 и друг. *ы* во всякомъ случаѣ не восходитъ къ *а*, а является или вмѣсто древняго *ый*, напр. узыйдить 254 вм. др.-рус. възъити, при чемъ *ый* не измѣнилось здѣсь въ *ой—ай* такъ же, какъ въ добрый, милый, или же вм. *и*, измѣнившагося въ *ы* послѣ твердой согласной: атышла 374, разымн 288 и др. Что касается *ы* въ сы мохымъ 81, то слѣдуетъ замѣтить, что вообще *сы* въ Ельнинскихъ говорахъ нельзя возводить фонетически къ *са*: сы мохымъ стоитъ вм. с мохымъ, и въ появленіи *сы* вм. *съ* надо видѣть аналогичное явленіе съ только что указанными ерыви, брывяхъ. Звукъ *ъ* только подъ удареніемъ, а также тамъ, гдѣ за нимъ слѣдовалъ слогъ также со звуками *ъ*, *ь* или звуки *р*, *л*, переходилъ во многихъ русскихъ говорахъ въ *о*, иначе — онъ измѣнялся въ нихъ въ *ы*. Остаются неясными звуки *ъ* вм. ожидаемыхъ *а* въ зыбрешиць 137 и пырхнуў 253.

Звукъ *у* вм. ожидаемаго *а* является въ словахъ Бугородица 105, 167, 176 и блугородіе 130: вѣроятно *у* замѣняетъ здѣсь *а* не фонетически: можетъ быть, мы имѣемъ здѣсь дѣло со звукомъ *у*, перенесеннымъ въ первыя части этихъ сложныхъ словъ изъ косвенныхъ падежей склоненія Богъ, благо (Богу, благу).

С. Звуки *о*, *а*, *е* послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ измѣняются различно, также въ зависимости отъ гласной слѣдующаго ударяемаго слога: 1) *передъ ударяемымъ а* является или звукъ *а* нечистый, близкій къ *ъ*, или звукъ *и* (не *ъ* въ силу того, что предшествующія согласныя были нѣкогда мягки): жана 127, 214, 248 и др., частная 214, зачапаить II, 200; жина 112, 473, 516, жинать 163, жилаить II, 331, жилаишъ 280, разшитали 514, зачипаить II, 200; 2) *передъ другими ударяемыми*

гласными находимъ *а* чистое: цадить 284, щаки 196, сащаміў 620, шарстей 188, жаніўся 82, чатвертый 342, зачарини 343, щаўчки 639, исцалитя 209, дачарей 232 и т. д. Совершенно неожиданно встрѣчаемъ расшитнулась 95, очевидно, подъ вліяніемъ расшитать; жизломъ 183 (при жазломъ 188) является въ заговорѣ и отражаетъ искусственное книжное или церковнее произношеніе.

D. Звуки *о*, *а*, *е* послѣ смягченныхъ согласныхъ. Они также измѣняются различно въ зависимости отъ слѣдующей гласной, съ одной стороны ударяемаго *а*, съ другой — остальныхъ ударяемыхъ гласныхъ.

1. *Передъ ударяемымъ а* мы вм. *о*, *а*, *е* находимъ послѣ смягченныхъ согласныхъ звукъ *и*, ср. *ы* въ такомъ же положеніи послѣ твердыхъ согласныхъ (B). Ср. систра 85, икая (чит. јика́я) 81, 109, дила 129, палитять 83, іўлиитца (чит. јіўлиитца) 121, 132, 304, вирьхами 512 (но вярьхомъ 513), двиряхъ 497 (но дварей ib.), чирвякъ 211 (но чарвей 210), бирна 197 (но бярно 196), рика 176 (но ряку 176), кариня 190 (но карянёмъ 190), жирибца 513 (но жирябецъ 513), глидять 124 (но глядитя ib.), сидять 89 (но сядить 88), дивирями II, 201 (но дивярёў ib.), миртвицамъ 628 (но миртвяцоў ib.), бизданна 549 (но бязпошлинна ib.), ни плачъ II, 196 (но ня тужъ ib.), смія́тца 122 (но смяётца 84), у твитахъ 244 (но у твату II, 100, 203), змія 508 (но змяю ib.), зимля 85 (но зямель 100) и т. д.

На безчисленное количество случаевъ, гдѣ мы встрѣтимъ въ указанномъ положеніи *и*, приходится нѣсколько исключеній, гдѣ вм. ожидаемаго *и* является *а* (буква *я*). Большинство этихъ кажущихся исключеній представляются простыми опечатками, нѣкоторыя изъ нихъ обязаны, вѣроятно, неточности записи. Все же не лишне ихъ перечислить: такая сякая 82, ляжать 129, къ вярхамъ 95, присвятая 178 (въ заговорѣ), ляганья 208, придрямали 662, у калясахъ 256, прятàлъ 397, лядащія 502, яўляўся 254, яўляитца 230, 304, 599, приглядать II, 331, углядалися II, 18, матка хрястная II, 37.

Что до затрясаимъ II, 167 (чимъ жа вы занимаитись? Народъ затрясаимъ на тэй свѣтъ), то, вѣроятно, это слово слѣдуетъ читать съ удареніемъ на *я*, при чемъ затря́саимъ вм. затрясываемъ (ср. подкрадаитца 656, наказаишъ 252, завя́ртаишъ 214 и мн. др.).

2. *Передъ ударяемыми гласными о, е (ѣ), и, у, ъ* мы находимъ послѣ смягченныхъ согласныхъ вм. звуковъ *о, а, е* звукъ *а* (буква *я*), который, въ виду сказаннаго выше подъ B2 и извѣстнаго мнѣ произношенія въ калужскихъ говорахъ, представляется мнѣ *а* чистымъ. Ср. сяребриная 505, вящей 601, няўжли 437, мядьвѣдицый 642, кузняцы 131, ня іонъ II, 332, дятьми II, 323, гнавыхъ 181, тялѣгу 107, паядиныкъ 623, ня тутъ то 123, абязсиліў 513, ляжў 513, акамянѣла 493, пиряѣхали 436, съ зями 439, ляснэй 81, плячо 81, бязъ денихъ 165, языкъ 99, дяньжонки 165, скатярётку 699, пиякстимъ 690, Дняпру 234 (но Днипра ib.), кастяную 501 (но кастинная ib.), сваяго 197, 257, сваяму 206, 501 и т. д.

Отъ этого общаго закона имѣются исключенія, но нѣкоторыя изъ нихъ лишь кажущіяся. Таковы напр. случаи, гдѣ *ри* или *ли* восходятъ къ первоначальнымъ *ръ, лъ: и* замѣнило здѣсь не *е*, а *ъ*, такъ же какъ въ разсмотрѣнныхъ выше *ры, лы* звукъ *ы* замѣнилъ не *о, а*, а древнее *ъ*: хрибетная 123, загримить 608, гримѣў 510, загримѣла 234, 500, гримить 91, 230, 510, тривога 221, 505, 679, тривожить 613, тризвонъ 516, затризвонили 476; блистить 474 (ср. подъ удареніемъ *и* въ блищить 474); въ скрысення (Воскресеніе) видимъ *ры* вм. *ри* (изъ *ръ*), хотя, впрочемъ, въ Ельнинскихъ говорахъ *р* не отвердѣваетъ. Такое же *и* на мѣстѣ древняго *ъ* я вижу въ словахъ: звинѣть II, 202, звинѣли 632; атвитить 221, твитить 611, твитуть 216, твитѣть 161. Очевидно, въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ *ъ* переходило въ *е* только подъ удареніемъ, въ слогѣ передъ слогомъ съ *ѣ* или *ъ*, а также передъ *р*, за которымъ согласная, измѣнявсь въ другихъ случаяхъ въ *и*. Въ призлющій 138, приму-

дрый 253 приставка *при-* не должна восходить непремѣнно къ *пре-*, хотя мы и находимъ Прячистая 176, прямудрыи 253; тоже должно сказать о *при-* въ пристолъ 686, пристолы 128; въ усмихнулися 441 *и* не восходитъ къ *е (ъ)*, а къ звуку *и* въ корнѣ *смих-* при *смѣх-*, ср. у насми́шку 163; звукъ *и* въ ины 188 можетъ и не восходить къ *я*, такъ какъ ины вм. аны согласно I. A; въ словѣ дитя уже въ общерусскомъ языкѣ явилось *и* изъ *ѣ* (дитя́ и дѣтя́, гдѣ *ѣ* сохранялось подъ вліяніемъ дѣти): ср. здѣсь дитёнычикъ II, 327, дитеныч-ка II, 325, дитёмъ 84, 100, дитенка 492, 645. Иностранное слово рисоры 256 могло быть получено съ *и* напр. изъ московскаго говора. Сваиго горя II, 326, сваиго 627, сваиму 434 слѣдуетъ, вѣроятно, читать свайго, свайму, ср. свайго 128, 648, свайму 99, 650 и т. д. Изъ послѣднихъ формъ видно, что *е (о)* выпало въ слогѣ передъ удареніемъ, что объясняется, вѣроятно, энклитическимъ употребленіемъ этихъ притяжательныхъ мѣстоименій. О чередованіи мине, тибе, сибѣ съ мяне, тябе, сябѣ, ищо съ ящо, сириди съ сиряди и др. я скажу въ V отдѣлѣ, гдѣ разсмотрю гласныя въ энклитикахъ.

Дѣйствительными исключеніями слѣдуетъ признать: висельля 79 (ср. вясельля 79, 83), лижить 653 (ляжить ib.), прибигить 653 (бягимъ 88), плименушикъ II, 329 (ср. плямёнушикъ II, 329, 328, 327, 326 и др.), свитлѣить 95 (м. б. вм. свьтлѣить), скатирётыю 599 (скатяретку ib.), пасидѣў 641 (м. б. *и* восходитъ къ общерусскому *и*, ср. великор. сидѣть, ср. впрочемъ пасядѣть 643), пиримѣна 130, асвитѝтя 193 (асвятитя 198), ильвиненка 497 (ильвяненка ib.), жирибецъ 513 (жирябецъ ib.), Ивангилистъ 286 (Ивангялиста ib.), тисменную 502, тисьмэнную 503 (тясьменную 502), систеръ 167, систёръ 168 (сястрицъ ib.), увиздѣ 290, пу пити (вм. по пяти) 305, типерь 232 (тяперь 641), пупъитё 442 (вм. попьёте), Бабу-Игу 495 (ср. Баба-Ига ib.), на чикў 121; вм. усяе 468 видимъ всіе 378, такъ же какъ вм. яе 78 — іѐ 127, іё 91; къ этимъ случаямъ относятся, вѣроятно,

ўзапирти 435 (если ударе́ніе на конечномъ слогѣ), а также крутабирегая 469. Я перечислилъ здѣсь всѣ встрѣтившіеся случаи, гдѣ вм. ожидаемаго *я* мы находимъ въ записяхъ г. Добровольскаго *и*; оставляю въ сторонѣ случаи этимологическаго написанія, какъ пиремѣнилъ 116 (пиримянить 130), а также явныя опечатки, какъ данѣсли 237. Обращаясь къ случаямъ, гдѣ вм. *я* видимъ *и*, я не могу не признать, что большинство ихъ оказывается не болѣе какъ ошибочными написаніями, опровергаемыми другими на тѣхъ же или на сосѣднихъ страницахъ.

II. Слоги предшествующіе ударе́нію, но не сосѣдніе съ нимъ. Разсмотрю отдѣльно: A. Начальныя *а*, *о*; B. Звуки *а*, *о* послѣ твердыхъ согласныхъ; C. Звуки *а*, *о*, *е* послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ; D. Звуки *а*, *о*, *е* послѣ мягкихъ согласныхъ.

A. Вмѣсто начальныхъ *а*, *о* мы довольно нерѣдко находимъ звукъ, изображаемый буквою *а*: можетъ быть, частію дѣйствительно слышится *а* чистое, но несомнѣнно, что также изобразилъ бы собиратель глухое *а*, близкое къ *ъ*, о которомъ было уже говорено выше. Ср. атказатца 641, атаплять 640, аганьку 637, абрабѣў 341, апичаліўся 337, атчаво 339, акамянѣла 493. Рядомъ съ такимъ *а* извѣстно также *и*: иднаму 106, у иднаго 644, 676, 137, икаянный 232 (акыянному 512), ибсивàишь 199, итчаво 589, ибъ шасти 646; ибъ маёмъ 175, ибаўсемъ 136, ибъ 12 галавахъ 631 (тоже *и* переносится послѣ предлоговъ: съ икаяннымъ 106, къ ибразамъ 199, кѣ иднаму 163). Рѣдко вм. *а—и* находимъ *ја (я)*, вѣроятно, съ *а* чистымъ, такъ какъ *а* глухое, склонное къ *ъ*, извѣстно только послѣ твердыхъ согласныхъ: ручухны япустились II, 323, 329, сонцымъ ягражуся 206. Укажу наконецъ на рѣдкіе случаи, гдѣ начальное *о* въ такомъ положеніи замѣняется черезъ *у*: урабѣў 129, 556, ужіўлю 494, убрадувàлась 630, угародъ II, 202: условія появленія такого *у* для меня не ясны.

B. Послѣ твердыхъ согласныхъ звуки *а*, *о* замѣняются: 1) звукомъ *ɑ* глухимъ, склоннымъ къ *ъ*, 2) звукомъ *ъ*, 3) звукомъ *у*.

1. Букву *а* я читаю какъ глухое *ɑ*, склонное къ *ъ* на основаніи извѣстнаго мнѣ произношенія въ калужскихъ говорахъ, напр. въ старичокъ 397, малатйла 341, сагласись 341, сабирать 397, палавину 398, багатырь 403, лашадей 403, галавы 493, затварили 497, галагаловыя 498 и т. д.

2. Звукъ *ъ* вм. такого *а* является при слѣдующихъ трехъ условіяхъ: a) передъ звукомъ *ɑ* въ слѣдующемъ неударяемомъ сосѣднемъ съ удареніемъ слогѣ (*а* чистымъ, согласно предидущаго, I B 2): скымарóхи 84, вылакуть 111, гывари 181, выдяныхъ 183, пышаници 192, кыряшокъ 196, пылявого 214, пыгляди 288, сылавейку 277, пыласу 467, 657, тыпарокъ 468, тыпарищи 468, зыбяру 677, кырагодъ II, 142, пыкланись ib., на клыпати II, 327, зыхатѣлъ 469, гылаву 469, гывáрю, пысматрю, пылажилъ, прыскачилъ, нылажилъ, пывалился, пысматрѣў 469, пысадіў 499, крысаты 506, твыяго 496, пыгажу 496, лышадей 648, вы сваю 503, пыкатили 586, ны гару 468, пы дареўни 636, пумылажѣла 516, пубыгатѣў 636 и т. д.

b) Передъ звукомъ *ъ* въ слѣдующемъ неударяемомъ слогѣ, который изъ *а*, согласно I B 1, вслѣдствіе положенія непосредственно передъ ударяемымъ *а*: отождествить оба случая a и b нельзя, такъ какъ въ первомъ случаѣ видимъ, что переходъ *о*, *а* въ *ъ* могъ стоять въ зависимости отъ усиленія звука въ слѣдующемъ слогѣ (звуки *о*, *а* глухіе перешли въ *а* чистое), между тѣмъ какъ во второмъ *о*, *а* измѣнялись въ *ъ*, повидимому, вслѣдствіе подобнаго же измѣненія въ слѣдующемъ за ними слогѣ: гылыва 472, пырысять 658, гылывахъ 438, пыстыялый 347, три бѣлыхъ вылыска 347, дыгынять 109; сюда же относятся нижеслѣдующіе случаи, гдѣ *а* въ слѣдующемъ за третьимъ отъ ударенія слогѣ является неточнымъ написаніемъ вм. *ъ*: гылава 469, мылака 496,

дыганять 655, сылаўя 399, дыганяли 657; однороднымъ представляется случай зывизалъ 469, гдѣ *и* также явилось изъ *а*, какъ въ случаяхъ только что перечисленныхъ вм. *а* являлось *ъ* (I B 1 и 2).

c) Въ четвертомъ отъ ударенія слогѣ, если въ слѣдующемъ является звукъ *ъ* въ силу только что разсмотрѣнныхъ условій a и b: публыгыдарить 476, публыгадаріў 241, которое, конечно, надо читать публыгыдаріў.

Внѣ указанныхъ условій a, b, c, т. е. когда за *а, о* въ одномъ изъ слѣдующихъ неударяемыхъ слоговъ стоитъ какая нибудь другая гласная нежели *а*, или замѣнившіе ее звуки *ъ* или *и*, перехода *а, о* въ *ъ* не бываетъ. Лишь кажущіяся исключенія противорѣчатъ такому утвержденію. Звукъ *ъ* въ трыснику 469 восходитъ не къ *о*, а къ первоначальному *ъ*, ср. *ъ* въ крывй, брывяхъ и другихъ разсмотрѣнныхъ выше случаяхъ; звукъ *ы* въ предлогѣ *сы* вм. *съ* также совсѣмъ особаго происхожденія: сы стариковый спины 470, сы спины 467, 117, сыблюди 168 слѣдуетъ сопоставить прежде всего со случаями, какъ сы мохымъ 81, сы апосталами 321, гдѣ *сы*, какъ мы видѣли, вм. *съ*, при чемъ, слѣдовательно, *ъ* замѣняетъ не *о*, а *ъ* (ср. сказанное выше объ *ы* въ крыви, объ *и* въ звинѣть и т. д.): са спины 467 представляетъ гласную *а* изъ *о*, явившагося вм. *ъ* въ соединеніяхъ какъ со сна, со лба, со всѣхъ, т. е. передъ слогомъ съ выпавшими *ъ*, *ъ*.

3. Наконецъ *а, о* замѣняются въ разсматриваемомъ положеніи звукомъ *у*, который мы находимъ при слѣдующихъ условіяхъ: a) въ слогахъ третьемъ и дальнѣйшихъ отъ ударенія въ положеніи между губными согласными: вупрашаю 195, упуришли 78, пуминають 70, пумалёмшись 80, пувядуть 82, пупаламъ 88, пубыла 105, пувяленія 117, пупрасить 637, пу балотамъ 676, пубядить 210, 205, пувярнуть 397, пупъитё 442, пу палітоху 507, пумирла 696, пувалокъ 700, пуприведина II, 322, пуваражу 676, пубизпакоить 685, пупаўскачили 112, публыгыдарить 476, публагодарю 137, пумылажѣла

516, пупримишаў 289, пу вичарамъ 176, пувисялитца 256 и т. д.

b) Въ третьемъ и дальнѣйшихъ отъ ударенія слогахъ, если въ непосредственно за ними слѣдующихъ слогахъ является звукъ *у*, при чёмъ въ этомъ случаѣ переходъ въ *у* происходитъ независимо отъ свойства сосѣднихъ согласныхъ: пулучомши 327, пулюбуйся 375, пуступать 240, пурукаймся 401, пу кусочку 443, пу дурацки 471, пуручитиль 548, пуубрались 600, пу углахъ 305, пугубили 172, пу рукамъ 629, сублюдаю 82, пусуди́на 195, пулуношная 177, гулубей 335, гусударь 251, 337, прупуститя 137, лускуты 127, кулдуноў 116, 176, вуювались 514, вурувать 251, пурубіў 401, булуватца 507, будуномъ 626, нучувать 467 (-увать нефонетически изъ -овать подъ вліяніемъ -ую), астунува́лись 291, тушнува̀ла 627, здубрувать 629, 255, тулкувать 254. Такъ же какъ *у* первоначальное вліяетъ на предшествующій слогъ новое *у*, которое, въ силу выше указанныхъ условій (I B 1 и II B 3), замѣнило фонетически *а*, *о*: сумуваръ 296, пу вуздухàхъ 82, хотя въ этомъ случаѣ требуется, повидимому, вліяніе еще слѣдующей (предшествующей такому *у*) губной согласной: ср. при лумають II, 100 не пулумать, а палумаю II, 208, палумаў, палумались 513, разлумали 559.

c) Въ положеніи передъ *у* неслоговымъ (ў), какъ изъ первоначальныхъ *у* или *в*, такъ и изъ *л*: су ўсяго серца 190, су ўсею 192, су ўсей пары 653, изу ўсихъ 195, пуўтарила 163, пуўладѣў 294, пуўчить 292, пупуўпихали 684, туўхануў 513.

d) Въ положеніи за слогомъ съ *у* четвертымъ или пятымъ отъ ударенія: публугударіў 343, Дубувика́ 440 (Дубави́къ ib.).

Внѣ этихъ четырехъ условій мы не находимъ перехода *а*, *о* въ *у* въ слогахъ передъ удареніемъ, не сосѣднихъ съ нимъ. Рѣдкія исключенія сводятся къ слѣдующимъ случаямъ: пу зяле́нымъ лужкамъ 176 является, вѣроятно, вм. *пы* подъ вліяніемъ *пу* въ той же фразѣ:

пу махамъ, пу балотамъ; пу языку 440, пусматрѣть 633, пусматрю 691, пуспивать 470, пу христкахъ 435 (по крестцамъ), бушмаки 552. Что до Бугуродица 605, 167, 176 (также должно читать Бугородица 175), блугуродіе 130, блугуродія 553, 615, то здѣсь непонятнымъ представляется *у* вм. ожидаемаго *а* въ слогѣ передъ ударе-ніемъ (какъ указано и выше): допустивъ, что *у* заимствовано изъ формъ какъ Богу, благу, мы должны объяснить *у* въ предшествующемъ слогѣ такъ же какъ въ словахъ сумуваръ, тушнувала (ср. выше).

C. Звуки *а*, *о*, *е* послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ являются въ видѣ звука *а* глухаго, склоннаго къ *ъ*, а также при извѣстныхъ условіяхъ въ видѣ *и* (несмягчающаго предшествующей согласной) и *у* (ср. тѣ же звуки въ положеніи В). Такъ: 1. цалуватца 79, Нижагародскую 173, шаптуны 700, часавой 123, шавальнуўся 514; 2. жилабомъ 111, чисавыхъ 516, чисавэй 679, чисавова 620, чиряпокъ 469, щимиля 469 (щамель ib.), жирибца 513, шивяльнулися 493, шистярикъ 403, жинихи 712 (можно было бы ожидать и жанихи, такъ какъ въ слѣдующемъ неудар. слогѣ *і* не изъ *е*, *а*, *о*, а *і* первоначальное), жирябилась 246, щипяную 185 и др.; 3. цулувать 554 (ср. П В 3).

D. Звуки *о*, *а*, *е* послѣ смягченныхъ согласныхъ въ третьемъ и дальнѣйшихъ отъ ударенія слогахъ переходятъ въ *и*, независимо отъ того, какая гласная является въ слѣдующемъ слогѣ: икавò 688, издака 373, изыкамъ 501, изыками ib., истрябиныя 437, идрянистыи 221, имщика 122, звирабой 217, сирядины 190, тисавыя 182, лисавыхъ 181, зимляную 185, ня бóсь, ни рабѣй 86, тирябить 198, тижало 106, сбирягеть 107, пиряплёў 121, питаковую 306, бирягу 626, пирямѣнушка II, 68, триханула 693, синакосъ 686, дримату 439, пирявѣсъ 137, миртвяцы 129, пирякинули 444, пирибяги 444, стирягли 162, пирябудимъ 548, питухи́ 129, диньщикоў 136, миснику 553, виликана 166, титиву 639, витчины 507, липитала II, 322, бирижкамъ 176, питьдисятъ 628, пиривинчамшись 116 и т. д.

Отъ этого общаго правила имѣется весьма незначительное число исключеній, въ которыхъ нельзя не признать опечатокъ: навядины 559, пирявярнуўся 503 (ср. пириварнись ib.), ясяно́вый 468, зимлятрясенія 506 (ср. зимлитрясенія 495).

III. Слоги слѣдующія за удареніемъ, причемъ *а*, *о*, *е* не стоятъ въ конечномъ открытомъ слогѣ. Различаю здѣсь: А. положеніе *а*, *о* за твердыми согласными; В. положеніе *а*, *о*, *е* за отвердѣвшими согласными; С. положеніе *а*, *о*, *е* за смягченными согласными.

А. Вмѣсто *а*, *о* послѣ твердыхъ согласныхъ находимъ: 1. Звукъ *а* глухой, склонный къ *ъ*, какъ можно заключить изъ сравненія съ живымъ произношеніемъ сосѣднихъ говоровъ Калужской губерніи (Добровольскій пишетъ *а*). 2. Звукъ *ъ*. 3. Звукъ *у*.

1—2. Опредѣлить условія, при которыхъ вм. *а*, *о* является глухое *а* или же звукъ *ъ*, не представляется возможнымъ: глухое *а* и *ъ* чередуются въ однихъ и тѣхъ же словахъ, при одномъ и томъ же положеніи. Такъ мы находимъ глухое *а* въ случаяхъ: вужинать 493, написана 495, заплакаўши 587, выскачили 589, дубинаю 591, за варотами 625, атáмливаить 629, выкалаў 638, нѐпагадь 624, помачъ 624, зà гарадъ 252, 607, сдѣлалась 552, у ту сторану 402, зà бараду 443, голаву 472, парядашна 342, съ дѣўкаю 126, зà валасы 642, дяканъ 699, выганю 652, выпарали 614 и т. д. Напротивъ видимъ *ъ* въ: хохытъ 79, мохымъ 81, голысъ, волысъ 492 шапыкъ 83, съ Богымъ 84, Бохъ помычъ 436, пристынь 549, вырысъ 515 (вырасъ ib.), абапылъ 540, нà нычъ 116, 196, вызвыль 597, повыдъ 375, абѣдыть 347, двинацыть 399, дякынъ 699, вужиныть 708, роди́лысь 237, асталысь 552, р. ед. сѐиный, нясѐиный 79, елкый 682, етый р. ед. 125, атъ услкый немощи 209, буйный галавы 177, на свадьбыхъ 116, церкыў 647, скымарохыў 84, паѣхыў 623; на правыя калѣна 512, глупыя им. ед. 694,

ана ня вяликыя 502, голубиныя яйцо 96, на горькыя яблыка 590; шляпыю 401, съ тялѣгыю 682, вытыплю 89, борыду 443, зеркыла 504, голыву 508, провылыки 444, по̀ гылыви 513, загывыръ 181, вывылыкли 112, на стырыну 211, за̀ мыря 211, на̀ пылъ 109, жо̀лыбымъ 110, явырымъ II, 100, выбырнымъ 641 (выбарнымъ ib.) и мн. др.—Любопытно упомянуть здѣсь, что въ такомъ же положеніи является замѣна первоначальнаго *ы* черезъ *а* (очевидно, глухое, склонное къ *ы*): вымались 89, миластыню 559, опатный 612.

3. Вмѣсто такихъ *а—ы* въ зависимости отъ извѣстныхъ условій является звукъ *у*. А именно мы находимъ такую замѣну: а) если въ слѣдующемъ слогѣ находится звукъ *у*: зъ маткую II, 330, асиную II, 206, сабакую 642, дарогую 343, 558, уздечкую 502, вуздечкую 503, за багатырскую примѣтыю 439; изъ подобныхъ формъ *у* переносится на мѣсто *а—ы* и въ формы съ сокращеннымъ окончаніемъ *й*: дарогуй 650, 686, ёлкуй 501, елкуй 708. Весьма любопытно, что такія *ую, уй* почти исключительно являются послѣ заднеязычныхъ (гортанныхъ): можетъ быть, это является указаніемъ на лабіализованныя *к, г, х*, если не въ современномъ, то въ болѣе древнемъ произношеніи Ельнинскихъ говоровъ.

b) Далѣе *у* вм. *а—ы* является въ томъ случаѣ, когда въ предшествующемъ ударяемомъ слогѣ находится *у*, а за *а—ы* слѣдуетъ губная согласная: ту́лувища 506, 508, тулувищу 514, пугувицы 435, бѣлорусскуму 290; можетъ быть, послѣднее условіе, т. е. присутствіе губной согласной не существенно. Въ такомъ случаѣ однородны съ только что приведенными: сумучку 645, голубучка 111.

c) Наконецъ *у* является вм. *а—ы* передъ неслоговымъ *у*, какъ изъ *в*, такъ и изъ *л*: церькуўку II, 208 (церькыўку ib.), выгнуў 473, 474, 475, 615, 685 вм. выгналъ: изъ этой формы заимствуютъ свои *у* не только выгнула 652, но и выгнуть 635.

B. Въ положеніи послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ

мы также найдемъ *а* глухое, склонное къ *ъ*, и рядомъ звукъ *и*, не смягчающій предшествующей согласной, а послѣ *у* является *ъ*. Ср. съ одной стороны дешавы 257, забижанъ 294, сажанъ 226, повѣшанъ 251, лошади 471, лошадь 473, вочаридь 249, здвижанья 96, на плечанькахъ 242, съ другой: плачишь 79, хочитца 79, вечиръ 637, вечира 436, нечига 612, по́тижилъ 504 (ср. тяжолъ ib.), супружиства 559, здвижиння 94, птушикъ 88, кошикъ 612, вышилъ 83, вышіў 497, ежилибъ 117, им. ед. бо̀льшія 169, хорошига 473, набольшига 248, мѐншія нявѣстка 439, на̀ лышиди 436. Послѣ *ц*: двацыть 108, двинацыть 399, палатенцымъ 505.

С. Въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ вм. *е*, *а*, *е* мы находимъ правильно и постоянно *и*; ср. въ положеніи передъ твердой согласной: четвира 436, сериду 98, на̀ биригъ 684, на викъ 89, по лису 79, 106, выніў 86, вынисла 94, молебинъ 81, Вышнига 80, возира 100, да беригу 613, проклитъ 206, ко́лисы 495, приніў 624, помиръ 124, видіў 123, за̀ паисъ 120, надѣіўся 342, безъ денихъ 105, пришлоси-тки 165; мѣсицы 105, тысича 371, тысичи 95; въ положеніи передъ мягкой согласной: выпригитя 686, верстъ за пить 649, дѣлаитя 608, за динь 404, сѣить 303, путивадитиль 79, моря синія 210, девирь 105, паринь 105, ня видили 88, видить 88, собирайтись 86, семдисить 502, на зимлю 173 (м. б. *м* передъ *л* мягкимъ и не мягко).

Я почти не вижу исключеній изъ этого общаго правила: вытянули 687, прежнява 646, тридисять 205, на вописяхъ 399, калодисяхъ, 504, скатярку 600 (скатирку 599) представляются опечатками, описками или неточными написаніями собирателя; еще болѣе имѣетъ характеръ простой опечатки: лазіятя̀ 94, гдѣ я также опечатка.

IV. Слогъ конечный открытый неударяемый. Здѣсь точно также различаются: А. Положеніе *а*, *о* послѣ твердой согласной. В. Положеніе *а*, *о*, *е* (не изъ

ъ) послѣ смягченныхъ согласныхъ. C. Положеніе *а, о, е* (не изъ *ъ*) послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ. D. Положеніе *е* (изъ *ъ*) послѣ отвердѣвшихъ и смягченныхъ согласныхъ.

A. Въ конечномъ неударяемомъ слогѣ мы вмѣсто *о, а* находимъ исключительно звукъ *а*: повидимому, это *а* чистое, а не глухое, склонное къ *ы*; это можно заключать изъ того, что вмѣсто такого *а* совсѣмъ не извѣстно *ы*; впрочемъ, отъ *а* подъ удареніемъ или въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію (положеніе I B 2), звукъ *а* въ конечномъ открытомъ слогѣ, вѣроятно, отличается особою краткостью и принадлежитъ къ тѣмъ гласнымъ, которыя можно назвать ирраціональными или, слѣдуя нѣмецкимъ фонетикамъ, болѣе краткими, чѣмъ краткія гласныя. Ср.: жонка 681, давольна 639, крыса 613, ета 613, снова 491, батька 511, тавара 607, дома 635, устала 635, пайду-ка 635, старыва 607, ничога 638, у багатыга 635 и т. д. Исключеній изъ этого общаго правила нѣтъ, т. е. на мѣстѣ *а* мы не находимъ другого какого либо звука: што-ты 92 вм. што-та, вѣроятно, опечатка, если не энклитическое употребленіе вызвало здѣсь *ы* вм. *а*; небы въ сы небы II, 198 представляется род. п. ж. р., ср. другую форму неби: до самой нёби 441, да неби 443.

B. Звуки *а, о, е* (не изъ *ъ*), въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ, являются въ видѣ *а* (ср. сказанное выше объ этомъ звукѣ въ открытомъ конечномъ неударяемомъ слогѣ вообще): ср. *а* на мѣстѣ первоначальнаго *а*: садитися II, 196, баисьтя 2 л. ед. 88, ня бойся 166, ня бяруся 92, памыйтися 553, убирайтися 510, дяреўня 125, на ўремя 378, полушабля 372, лѣтнія время 128, еткая 369, пагоня 369 и т. д.; *а* на мѣстѣ первоначальнаго *о*, которое изъ болѣе древняго *е* частію фонетически, частію же подъ вліяніемъ аналогіи: у поля 92, 369, разліўноя моря 80, за наша здароўя 81, заўся II, 200, што ета такоя 283, ваша царскыя вяличества 609; *а* на мѣстѣ *е* послѣ *і* неслогового: 3 л.

ед. ня вѣдая 165, двоя 84, 88, троя 127, 137, потяплѣя 126, посмялѣя 375; *а* на мѣстѣ *е* послѣ согласныхъ: саколя II, 204, мой сыня 244, зват. коня II, 208, мой зятя II, 206, здѣся 211, теперя II, 319, чатыря горсти 508, идитя 91, лягтя 495, пазвольтя 508, дайтя 601, бьетя 608, глядитя 83, замѣтьтя 84 и т. д.

Исключеній изъ этого общаго правила почти нѣтъ: валяйси у грязи 206, ты паручаўси являются, кажется, единственными примѣрами, гдѣ окончаніе *ся* замѣнено окончаніемъ *си*: такая замѣна, какъ извѣстно, можетъ быть и нефонетическаго характера; странно чатыри въ тиризъ три бары, тиризъ чатыри II, 208, чатыри стороны 394, чатыри абручи 555, чатыри наги 131; рядомъ чатыря горсти 508 и др.; чатыри и чатыря представляютъ, можетъ быть, два разныхъ окончанія подъ вліяніемъ двухъ окончаній въ им. мн. прилагательныхъ; возможно также, что чатыря являлось въ соединеніи съ формами, какъ: брата, пуда, часа, тогда какъ чатыри въ соединеніи съ браты, пуды, часы; во всякомъ случаѣ нѣтъ основанія допускать фонетическаго перехода чатыре въ чатыри. Воўси 162 при заўся II, 200 представляютъ, можетъ быть, падежи двухъ разныхъ чиселъ отъ весь: вин. мн. всѣ и винит. ед. всё. До якога уреми 122, вѣроятно, род. п. отъ слова время, перешедшаго въ женскій родъ, хотя рядомъ мы находимъ и правильное: тога уремя 111. Заўтри 647, 79, 253, при завтря нѣкоторыхъ другихъ южновеликор. и сѣверновеликор. говоровъ, можетъ быть, восходитъ къ заутрии, между тѣмъ какъ завтря къ заутрия—, т. е. къ разнымъ падежамъ слова заоутрие. Непонятно загади 402 (два раза) вм. ожидаемаго загодя.

Слѣдуетъ отмѣтить, что лишь только къ конечной открытой гласной примыкаетъ какая либо частица, вм. *я* непремѣнно явится *и*: такъ при постоянномъ окончаніи *-ся* находимъ: распращалиси-тка 678, пупраўлюси-тка 469; при окончаніи 2 л. мн. *-тя*: пригатоўти-ка 690, благославити-ка 695, глядити-ка 248 и т. д.; садитись

373, малити-жъ II, 321, дѣлайти-жъ 402. Поэтому возьмитя-жъ 591 оказывается рѣдкимъ исключеніемъ.

C. Въ положеніи послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ звуки *а*, *о*, *е* (не изъ *ѣ*) переходятъ также въ *а*: сонца 162, иржища 639, Божа мой 91, дитя наша 399, сборища 400, дужа 79, 91, тожа 133, 608, можа 112, када жа 471. О формахъ, какъ: ближи, дарожи см. ниже; исключеніемъ, а можетъ быть опечаткою, представляется дайжи 626 только одинъ разъ при дайжа 82, 592, 630, 220 и др.

D. Звукъ *е* изъ первоначальнаго *ѣ*, соотвѣтствующаго частію древнему, общерусскому *ѣ*, частію же замѣнившаго e^2 въ нѣкоторыхъ словахъ и формахъ нефонетически, правильно переходитъ въ конечномъ открытомъ слогѣ въ *і* (конечно, черезъ посредство e^1). Такъ мы находимъ *і* на мѣстѣ древняго *ѣ* напр. въ формахъ дат. род. и мѣс. ед.: на свѣти 96, на дорози 165, у кабыли 95, на свадьби 84, у водѝ 79, на пыли 109, у лѣси 88, у гроби 82, къ тялѣги 121, при чемъ послѣ отвердѣвшаго *ц* найдемъ не только *и*, но также *ъ*: на̀ серци 79, конницы 559 (дат. ед.); также: надоби 116, ныни 204, посли 79, разви 232, на дви хаты 373; въ бо̀лозе 123 видимъ неточное изображеніе звука *і* черезъ *е*. Еще въ древнерусскомъ языкѣ формы срав. ст. какъ: хужо, дорожо, богачо и т. д., явившіяся фонетически вмѣсто хуже, дороже, богаче въ общерусскую эпоху, замѣняли свое *о* звукомъ *ъ*, заимствованнымъ изъ формъ какъ теплѣе, добрѣе, ста́рѣе; древнія формы хужѣ, дорожѣ, богачѣ (существованіе ихъ указывается древними памятниками) отразились въ Ельнинскихъ говорахъ въ видѣ: дарожи 683, хужи 514, багачи 648, 636, ближи 698, больши 554, суши 206, краши 204, паменьши 95, панижи 66, раньши 335, слащи 239, чащи 609, лехчи 79, луччи 84, 105; также объясняется и въ прежди 693. Равнымъ образомъ еще въ древнерусскихъ говорахъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ памятники, окончаніе *ѣ* им. вин. мн. изъ формъ какъ конѣ, князѣ, учи-

телѣ (по происхожденію это формы вин. мн.) переносилось на мѣсто *е* въ такія формы какъ дворане, рыболове, сынове и т. д.: отраженіе этого новаго *ъ* мы находимъ и въ Ельнинскихъ говорахъ: горожани 680, мищани 683. (Что до *и* въ ружьи 662 или два щасти 294, то такое *и* явилось вм. *я*, можетъ быть, подъ вліяніемъ окончанія *ьг* въ твердыхъ основахъ).

Древнее *ъ* при одномъ фонетическомъ положеніи, а именно въ положеніи послѣ гласной, уже въ очень древнюю эпоху измѣнило свое e^1 (въ сочетаніи *іе*) въ e^2, что объясняется тѣмъ, что *і* послѣ гласной измѣнялось въ *і* неслоговое или *j*, которыя уже не могли охранять закрытое произношеніе второго элемента дифтонгическаго сочетанія ie^1. Вотъ причина, почему вм. *ъ* послѣ гласныхъ мы въ Ельнинскихъ говорахъ найдемъ не *и*, какъ послѣ согласныхъ, а *я*: такъ древнему дроугыѣ им. вин. мн. (по формѣ это вин. мн.) здѣсь соотвѣтствуетъ другея 84, ср. еще на мелкія штуки 401, мысли дурнэя 699, вяликыя халоды и лютея марозы 492, другея бабы 690, у чюжія люди II, 100, мертвыя тѣла 165, святэя святители и мн. др.; сюда же слѣдуетъ отнести абѣя (пашли абѣя гулять 500). Рядомъ съ окончаніемъ *ыѣ* уже въ древнѣйшія эпохи было извѣстно *ыи* (отражавшее первоначальное окончаніе им. мн. *иі*): въ нашемъ говорѣ встрѣчаемъ и это *ыи*, хотя въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ: примѣты багатырскіи 436 (но п. багатырскія 437), ихныи 120, сивыи, сѣрыи, малыи 138, гнилыи 168, стрѣшныи 175 (но тамъ же дянныя, нашныя) и др. Въ род. п. ж. р. на мѣстѣ *ъ* въ открытомъ неударяемомъ слогѣ мы точно также находимъ *я*: тоя вады 195 (тоя вм. болѣе обыкновенныхъ формъ таѐ и тэѐ).

V. Обращаюсь къ судьбѣ звуковъ *о*, *а*, *е* въ словахъ не имѣющихъ въ фразѣ самостоятельнаго ударенія, въ словахъ—энклитикахъ. Различаемъ и здѣсь: А. Положеніе послѣ твердыхъ согласныхъ; В. Положеніе послѣ

отвердѣвшихъ согласныхъ; С. Положеніе послѣ согласныхъ смягченныхъ.

Замѣчу, что предлоги составляютъ особый рядъ словъ среди энклитикъ, такъ какъ они всегда примыкаютъ къ слѣдующему слову: срастаясь въ одно цѣлое, они составляютъ съ нимъ какъ бы одно слово; звуки въ нихъ измѣняются большею частью согласно указаннымъ выше законамъ. Исключеніе составляютъ предлоги оканчивающіеся на согласную (кромѣ такихъ, какъ *отъ*, *объ* съ начальною гласною), а также двусложные и многосложные. Въ этихъ предлогахъ звуки *а*, *о* послѣ твердыхъ согласныхъ обыкновенно замѣняются глухимъ *ȧ*, склоннымъ къ *ы*: падъ елями 649; подъ второстепеннымъ удареніемъ является даже чистое *а*: кàла церкви 295; въ предлогѣ *подъ* вм. *а* глухого можетъ явиться и *у* подъ вліяніемъ предшествующей губной: пудъ Брянскымъ 397. Въ положеніи за смягченными согласными находимъ *и*; такъ вм. *между* обыкновенно является *мизъ*: мизъ сабою 684, мизъ пальцыў 217, мизъ нохъ 636, мизъ ихъ 552, мизъ вушъ 502; рѣже *мижда*: мижда собе 468, мижда ряберъ 470; прамизъ живыхъ 76, прамезъ (чит. прамизъ) ихъ 138; пиридъ кумымъ 289, пиридъ вакномъ 80; тиризъ плячо 81, тиризъ ёлку 138, тиризъ щелачку 95, чиризъ ихъ 95; подъ второстепеннымъ удареніемъ видимъ *е* въ чéризъ каго я пагибаю 473, черизъ діўнова старика ib. При *сириди* также *сиряды*: сиряди калину чирьвякъ точить, сириди II, 203; также вм. *для* находимъ *дли*: дли етыга 343. Вм. *безъ* извѣстно не только *бизъ*, но и *бязъ* (въ положеніи I D): бязъ денихъ 165.

А. Въ прочихъ энклитикахъ находимъ также переходъ *ȧ*, *о* послѣ твердыхъ согласныхъ въ *а* глухое, чередующееся съ *ы*. Ср. такое *ы* въ ды іось 676, вѣтиръ ды вúхыръ 588, ды вúжу 628, ды й тирукнуў іонъ на яе 136, рубить ды драть 469, узяли дый заснули 438, ды нѣ, ни баюсь 88, ну, ды я вамъ признаюсь 339 и т. д., дыкъ вм. такъ: а дѣти ишли, дыкъ и мостъ лумаўся 510, яво хуть ўдарь—дыкъ ничого 549, дубы у кучу пазра-

слись, дыкъ я ихъ разсажію 436 и т. д. Также переходитъ што въ шты: шты ипять нада яму бизпакоитца 289, ср. еще: што-ты якъ у ладошки хлопнула 92. — Такія *а—ы* послѣ заднеязычнаго *х* переходятъ въ *у*: хутьба 136, хуть на свѣти пугуляю 435, подасть хуть адинъ ломтикъ 128, задѣть ихъ хуть лакаткомъ 80; ну, хушъ пахмяли маю галаву 548, ср. хоть 620; вліяніе *х* на появленіе *у* въ этихъ словахъ срав. съ указаннымъ выше явленіемъ -уй вм. -ой въ окончаніи твор. ед. словъ женскаго рода послѣ *ж*, *г* (дарогуй, ёлкуй). Такое же *у* видимъ послѣ *в*: вунъ и дяканъ скажить 693, вунъ ляжить сабака 663, вунъ стаить катялокъ 663; вутъ попъ бросіў каня 687; рядомъ нѣсколько разъ вотъ. Переходъ *а—ы* въ *у* послѣ *н* въ ну, ажну врядъ ли фонетическій: скорѣе здѣсь можно видѣть смѣшеніе словъ но и ну: хуть и гналась за имъ ваўшебница, ну ни дагнала 632; ажну кряхнула 435, ажну слюна тякеть 341, ажну каравать стогнить 339, ажну валютца съ лашадей 440 и т. д., ср. ажно 626, 80, ажно 88.

В. Послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ находимъ вм. *а*, *о*, *е* обыкновенно *ă* (глухое склонное къ *ы*): ить жа 236, ища 625, 502, 231, 162, 132 и др.; ни убивайся такъ ужа II, 327; любопытно написаніе жо: съ каторый жо старонушки тябе дажидати II, 319. Одинъ разъ вм. ища находимъ ищи: ищи глазъ выбіў 401; извѣстно и ящо 79, 105. Вмѣсто ужа является обыкновенно ужу, вслѣдствіе ассимитяціи конечнаго *ă* глухого предшествующему *у*: ср. указанные выше случаи какъ тўлувище, Дубувикá; собрались ужу съ поля 78, стали ужу панахвиды служить 79, пайдёмъ ужу двору 91 и др. (ср. 117, 120, 162, 342, 472, 576 и т. д.).

С. Послѣ смягченныхъ согласныхъ мы находимъ вм. *е* звукъ *і*: вить ета на нашимъ Гараськи паѣхали 83, видь мае деньги прапали 640, Госпыди, ить жа и мнѣ ета будить 236. Въ мѣстоименіяхъ являются безразлично: мине, тибе, сибе и мяне, тябе, сябе: бизъ тибе II, 331, на тибе II, 339, атъ сибе 81, тибѣ 96, 115, мине

80, тибе 121, II, 319, у мине 624; мяне 645, тябе 164, сябѣ 127, мяне 109, 112, бизъ мяне II. 331, тябе II, 319. Точно также при іё 91, іѣ 127 находимъ яе 78.

Настоящее разсмотрѣніе судьбы звуковъ *о*, *а*, *е* въ неударяемыхъ слогахъ было бы недостаточно, если бы мы оставили безъ вниманія случаи выпаденія ихъ.

Такое выпаденіе находимъ во 1-ыхъ въ положеніи между согласными, во 2-хъ въ положеніи послѣ гласныхъ и наконецъ въ 3-ихъ въ концѣ слова.

Между согласными встрѣчаемъ выпаденіе *о*, *а*, *е* въ положеніи II А: а Іуда имъ 'твичаить 242, каравать 'блюбую 440; въ положеніи II С: адирвянѣй 206; въ положеніи III А: провылки 444 (провылыки ib.), еткыю 682, еткыга 292; въ положеніи V А (т. е. въ словахъ-энклитикахъ): я стаў искать, 'ба што мнѣ яго разбить 702, усётки 509, усетки 506, было тки народу 125, ты тки тамъ знакомъ 634.

Послѣ гласныхъ видимъ выпаденіе звуковъ *а*, *о*, *е*, или правильнѣе сліяніе ихъ съ предшествующими гласными при самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ: за 'вёсъ 129; на 'диночки 138, па'тдыхнуть 129, за што я 'тдаў 304, па'бѣдали 398, 713, за 'болыки 436 (за облака), на 'днемъ 436, за 'гнемъ 467, ня 'днэй искырки 441, 637, ня 'днемъ 468 (не однимъ), па'тлумаў 514, ня 'бѣдый 551, па'бгадила 598, на 'рѣхи 639, за 'дну мѣрку 644, да 'тъ чагожъ 646, да 'бнакавенна 658, на 'ндрея 678, ня 'динъ 686, на 'дну II, 319, на 'колицы 78 и т. д.: въ вышеприведенныхъ примѣрахъ *а* является въ результатѣ стяженія двухъ *а* глухихъ, склонныхъ къ *ъ*. Въ слѣдующихъ примѣрахъ *и* оказывается на мѣстѣ двухъ первоначальныхъ звуковъ: *и* и гласной *а* глухой, склонной къ *ъ*: ни 'ттваряють 286, ни 'днаго 285, ни 'тдасть 284, ни 'твичаить 256, ни 'дѣтый 253, ни 'бычайный 252, ни 'дна 248, ни 'куратныя 297, на три 'ршина 443, выше 'болыка 513, ну, и 'тпраўляитца 587, ни 'тдывай 589, при'тдахнуть 629, ни 'тпущаў 630, и 'тскачила 636, и 'твичаить 640, ни 'тпираитца 683, ни 'тжіўляитца 696,

ни 'твѣту, ни привѣту II, 336, ложки 'барачивать 242, па нитычки 'тарвали 203. Звукъ *а* глухое съ предидущимъ *у* стягивается въ *у*: а шкуру 'блупіў 681.

Прежде чѣмъ перейти къ изслѣдованію о причинахъ, вызвавшихъ то или другое измѣненіе звуковъ *о*, *а*, *е*, укажу здѣсь на нѣкоторыя общія явленія, замѣчаемыя въ судьбѣ этихъ звуковъ со звуками *и*, *ъ*, *у*.

Звукъ *и*, также какъ *а* глухое, въ началѣ слова въ слогахъ неударяемыхъ можетъ исчезать, ср. Люша, голочка, гуменьша въ Мосальскихъ говорахъ. Но передъ исчезновеніемъ звукъ *и* переходилъ, вѣроятно, въ очень краткій, неопредѣленный звукъ, который при однихъ условіяхъ исчезалъ, а при другихъ измѣнялся въ *а* глухое, склонное къ *ъ*: ср. *а* въ адѣ 642 (завладѣлъ имѣніимъ . . . . . адѣ быў я многа гадоў упраўляющимъ) вм. идѣ (гдѣ), Альля: у в'Альлѣ 397. Изъ этого явленія, замѣны *и* черезъ *а* въ начальномъ неударяемомъ слогѣ, мы вправѣ заключать о томъ, что *а* въ аднъ, ана, ахотникъ и т. д., т. е. въ положеніяхъ I А и II А можетъ восходить къ тому же неопредѣленному звуку, который являлся промежуточною ступенью между *а* и *и* въ случаяхъ какъ адѣ—идѣ. Въ положеніи за удареніемъ звукъ *ъ* нерѣдко замѣняется черезъ *а*; ср. въ конечномъ открытомъ слогѣ: іонъ ба 117, што ба 119, 172, 502, ни казаўба 122, хатѣўба 297, быўба, ѣўба 404, каба 496; въ неконечномъ открытомъ слогѣ: вымались 89, миластаню 559; въ конечномъ закрытомъ слогѣ: на щирахъ барахъ 196; въ неконечномъ закрытомъ слогѣ: опатный 662. Если въ подобныхъ написаніяхъ буква *а* не означаетъ чистаго звука *а*, а тотъ оттѣнокъ этого звука, который ближе всего къ *ъ*, то понятно, что и въ другихъ случаяхъ таже буква можетъ имѣть тоже значеніе (ср. выше).—Неударяемое *ы* въ зависимости отъ положенія между губными переходитъ въ *у*: ср. указанный выше переходъ *а* глухого въ *у* въ такомъ же положеніи: бувай 172, бувала 509, пабувала II, 197, прибуваить 338, умувайся 178, умуваить 176, змувала 176, размувала 195.

Вѣроятно, также фонетически объясняется переходъ *ъ* въ *у* передъ нeслоговымъ *у* (буў), при чемъ изъ формы буў оно переносилось и въ було 178. Въ плувуть 613, пуплувемъ 612 должно быть мы имѣемъ дѣло съ фонетическимъ переходомъ *ъ* въ *у*, которое, возникнувъ въ такихъ формахъ (передъ *в*), переносилось и въ плули 613, пириплули 612, пуплули 613 и т. д. Подобно тому какъ въ гусака́, рукава́, дурака́ неударяемое глухое *а* переходитъ въ *у* подъ вліяніемъ гласной предшествующаго слога (гусука́, дурука́, рукува́), также точно измѣняется *ъ* въ пузырёчикъ и даже *и*, не смягчающее предшествующей согласной, въ мужика́: ср. пузурёчикъ 508, мужука 137, 293, мужуку 236, мужукова 586, мужучокъ 585, 117, 633, мужучку 585, 633 и др. — Совершенно аналогично съ только что разсмотрѣнными случаями замѣны звука *ъ* звукомъ *а*, мы находимъ измѣненіе *у* въ *а* напр. въ открытомъ слогѣ послѣ ударенія: скиналась 111, высунала 440, напробаю 502, у пазаху 203, чуствать 117, Раданица 597, радаитца 303; въ закрытомъ слогѣ: пасавѣтай 296. Въ положеніи передъ нeслоговымъ *и* въ конечномъ открытомъ слогѣ мы вмѣсто неударяемаго *у* нерѣдко находимъ *ы*: пажалый 128, 629, здрастый 128, 401, 495, 623; ср. еще окончаніе тв. ед. словъ ж. р. на -ый при *и* можетъ быть вм. -уй (ср. сказанное выше о переходѣ въ этой формѣ -ою въ -ую). Любопытно отмѣтить переходъ *у* въ *ы* послѣ *л*: лычинку 127, пролыбку 690, Голыба 119, 120, голыбъ II, 323, Голыбу 121 (при Голубъ 120, Голубу 120).

Разсмотрѣніе звуковыхъ явленій, связанныхъ съ измѣненіемъ звуковъ *о*, *а*, *е* въ Ельнинскихъ говорахъ, приводитъ изслѣдователя къ опредѣленію цѣлаго ряда фонетическихъ законовъ, вліявшихъ на то или другое измѣненіе. Не одно только положеніе въ неударяемомъ слогѣ опредѣляло извѣстный звуковой переходъ: онъ зависѣлъ и отъ характера сосѣднихъ звуковъ, отъ положенія въ открытомъ или закрытомъ, начальномъ, серединномъ или конечномъ слогѣ, отъ положенія передъ ударeніемъ или

послѣ него и т. д. Но, очевидно, была одна общая причина, вызывавшая измѣненіе неударяемыхъ звуковъ *о*, *а*, *е*, такъ какъ при всякомъ положеніи, въ сопровожденіи всякихъ звуковъ они въ Ельнинскихъ и другихъ родственныхъ говорахъ не являются въ первоначальномъ видѣ. Эту общую причину, этотъ общій законъ, повліявшій на измѣненіе неударяемыхъ *а*, *о*, *е*, надо искать въ очень отдаленной эпохѣ языка; можетъ быть, неударяемыя гласныя подвергались извѣстнымъ измѣненіямъ еще въ эпоху велико- и бѣлорусскаго единства; но во всякомъ случаѣ въ слѣдующую затѣмъ эпоху южновеликорусскаго [1]) и бѣлорусскаго единства эти измѣненія сложились окончательно, видоизмѣнивъ первоначальный, общерусскій характеръ всего вокализма. Представляется вѣроятнымъ допустить, что въ эту эпоху измѣнился первоначальный характеръ ударенія: оставляя въ сторонѣ вопросъ о потерѣ удареніемъ своей музыкальности, можно ограничиваться указаніемъ на то, что оно значительно усилилось, стало болѣе энергичнымъ. Усиленіе ударяемаго слога произошло на счетъ и въ ущербъ неударяемыхъ слоговъ того же слова, а это ослабленіе неударяемыхъ слоговъ имѣло слѣдствіемъ болѣе или менѣе значительное измѣненіе въ самомъ характерѣ звуковъ, ихъ составлявшихъ. Не только звуки *а*, *о*, *е*, но также и другія гласныя, а вѣроятно также согласныя, потеряли часть своей силы, своей звучности или своего экспираторнаго вѣса. Но оставляя въ сторонѣ согласныя и другія гласныя, я остановлюсь на измѣненіи звуковъ *о*, *а*, *е* въ ихъ различныхъ оттѣнкахъ. Эти звуки подвергаются измѣненію легче, чѣмъ другія гласныя потому, что они произносятся при наименьшемъ суженіи органовъ рѣчи, суженіи, которое такъ характерно при образованіи звуковъ *у* (суже-

---

[1]) Употребляю здѣсь терминъ „великорусскій“ совершенно условно, такъ какъ о великорусскомъ племени можно говорить только со времени великорусскаго государства, собравшагося вокругъ Москвы.

ніе губъ) или *u* (суженіе въ полости рта), произносятся слѣдовательно при меньшемъ сравнительно съ другими звуками напряженіи органовъ рѣчи. При ослабленіи, вслѣдствіе указанной причины, звуковъ *o*, *a*, *e* ослаблялись движенія органовъ рѣчи, которыми обусловливался характеръ ихъ произношенія; органы рѣчи стремились принять то положеніе, въ которомъ они находятся при отсутствіи рѣчи, перейти въ состояніе безразличности.

Звуки *o*, *a* съ одной стороны, *e* съ другой принадлежатъ къ двумъ различнымъ рядамъ, если разсматривать ихъ съ физіологической точки зрѣнія: *a*, *o* закр., *o* откр., *o* склонное къ *a* принадлежатъ къ заднему или задне-язычно-нёбному ряду (linguo-palatales posteriores, какъ опредѣляетъ ихъ Техмеръ), *e* закр., *e* откр., *e* склонное къ *a* принадлежатъ къ переднему ряду, къ ряду передне-язычно-нёбныхъ (linguo-palatales anteriores dorsales). При произношеніи звуковъ задняго ряда губы вытягиваются впередъ и по направленію отъ *a* къ *y* принимаютъ все болѣе кольцеобразную форму; напротивъ, при произношеніи звуковъ передняго ряда губы оттягиваются назадъ, при чемъ по направленію отъ *e* склонному къ *a* (или отъ *a* скл. къ *e*) къ *i* это оттягиваніе все значительнѣе. Различное положеніе языка, прикосновеніе его къ задней части нёба при образованіи гласныхъ перваго ряда, къ передней части нёба при образованіи гласныхъ второго ряда, указывается въ самыхъ названіяхъ этихъ рядовъ гласныхъ — „задній“ и „передній“. Въ результатѣ ослабленія гласныхъ передняго и задняго рядовъ получался новый рядъ—рядъ средне-язычно-нёбный: языкъ принималъ среднее положеніе между тѣмъ, при которомъ онъ образуетъ звуки передняго ряда и тѣмъ, при которомъ образуются звуки задняго ряда; губы не вытягивались уже такъ, какъ при образованіи звуковъ задняго ряда и не оттягивались назадъ, какъ при образованіи звуковъ передняго ряда. Эти звуки средняго ряда (linguo-palatales mediae, какъ ихъ называетъ Техмеръ въ своей статьѣ въ Intern. Zeitschrift т. I), какъ это яв-

ствуетъ изъ описанія ихъ у Техмера въ Phonetik (стр. 44), приближаются по образованію своему къ звукамъ, сопровождающимъ стонъ (eine Art Stöhnlaut); точное физіологическое опредѣленіе каждаго изъ нихъ весьма затруднительно, такъ какъ движенія мускуловъ, по слабости ихъ, не могутъ быть наблюдаемы съ полною достовѣрностью; различіе между отдѣльными относящимися къ этому ряду звуками менѣе значительно, чѣмъ различіе въ звукахъ полнаго образованія; можно еще указать, что наиболѣе открытые звуки этого ряда представляются болѣе закрытыми, чѣмъ соотвѣтствующіе звуки передняго или задняго ряда, а наиболѣе закрытые звуки этого ряда оказываются менѣе закрытыми сравнительно съ закрытыми звуками полнаго образованія (Техмеръ, Phonetik с. 44). Замѣчу еще, что эти звуки средняго ряда нельзя смѣшивать съ тѣми звуками, которые Сиверсъ, вслѣдъ за англійскими фонетиками, называетъ Palato-gutturale (mixed): эти послѣдніе звуки образуются вслѣдствіе комбинаціи движеній органовъ рѣчи, необходимыхъ для произнесенія звуковъ задняго ряда съ движеніями, опредѣляющими характеръ звуковъ передняго ряда: къ такимъ звукамъ принадлежитъ, между прочимъ, наше *ы*. То обстоятельство, что положеніе языка при произношеніи звуковъ *ы* и другихъ однородныхъ, отличаясь отъ положенія его при образованіи звуковъ передняго и задняго рядовъ, сходно съ положеніемъ его при образованіи звуковъ средняго ряда, въ связи съ тѣмъ, что акустическое впечатлѣніе, получаемое отъ звуковъ смѣшаннаго ряда (*ы* и т. д.) менѣе опредѣленно и чисто, нежели впечатлѣніе отъ звуковъ задняго и передняго ряда (Техмеръ, Phonetik 44), объясняетъ нерѣдкое смѣшеніе звуковъ средняго ряда, звуковъ неполнаго образованія, съ звуками *ы* и другими, принадлежащими къ смѣшанному ряду. — Среди звуковъ средняго ряда теоретически слѣдуетъ различать звуки: *а* неполнаго образованія, *о* неполн. обр., *е* неполн. образ., *и* неполн. обр. и т. д.

Допустивъ въ эпоху великобѣлорусскую переходъ

звуковъ *а*, *о*, *е* и т. д. въ звуки средняго ряда, мы должны въ дальнѣйшемъ развитіи языка слѣдить за судьбою отдѣльныхъ звуковъ неполнаго образованія, замѣнившихъ звуки задняго и передняго ряда. Но такъ какъ отношеніе *а* неполнаго образованія къ *о* неполнаго образованія иное, чѣмъ напр. отношеніе *а* къ *о*, такъ какъ вообще, что указано выше, между звуками средняго ряда не можетъ быть всѣхъ тѣхъ отличій, какія замѣчаются между звуками полнаго образованія, я въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи буду различать, оставляя въ сторонѣ звуки *у* и *и* неполнаго образованія: 1) звукъ соотвѣтствующій *а*, *е*, *о* скл. къ *а* (обозначу его черезъ α), 2) звукъ, соотвѣтствующій *е* скл. къ *а*, *е* откр., *е* закр. (обозначу его черезъ ε). Оговариваюсь при этомъ, что я вполнѣ сознаю возможность различныхъ оттѣнковъ среди этихъ α и ε.

Итакъ, слѣдствіемъ указаннаго закона объ ослабленіи неударяемыхъ слоговъ явился переходъ неударяемыхъ *о*, *а* въ α, неударяемыхъ *е* скл. къ *а*, *е* закр., *е* откр. въ ε. Если мы сопоставимъ съ древнимъ произношеніемъ вода́ соврем. москов., рязан., тул., тамб. и др. вада́ съ одной стороны, соврем. ельнин., а также мосал., жиздр., витеб. выда́ съ другой, мы увидимъ, что объяснить оба произношенія изъ промежуточнаго между древнимъ и современнымъ вαда́ невозможно. Предположить, что α измѣнилось въ *а* въ говорахъ первой группы, въ *ы* въ говорахъ второй нельзя уже потому, что было бы неясно, почему α измѣнилось въ *а* въ говорахъ первой группы въ слогѣ передъ удареніемъ, т. е. въ слогѣ наименѣе сильномъ съ точки зрѣнія большинства языковъ, оставаясь безъ измѣненія въ слогахъ передъ удареніемъ не сосѣднихъ съ нимъ, а также слѣдующихъ за удареніемъ (ср. при вада́—старику́, гόрат). Но предположить общую форму вада для объясненія — вада въ говорахъ первой группы, выда въ говорахъ второй также нельзя: рядомъ съ вада, двара мы, напр., въ московск. говорѣ найдемъ взела, весна, которыя нельзя выводить непосредственно изъ взяла, вясна, такъ какъ *а* полнаго образованія не

могло измѣниться въ *е* послѣ смягченныхъ согласныхъ: на основаніи этихъ послѣднихъ формъ мы необходимо должны придти къ предположенію произношенія в'αсна, вз'αла, а слѣдовательно и вαда, двαра. Въ виду того, что при выда въ говорахъ второй группы является произношеніе вадѣ, вадой, вады съ *а* полнаго образованія, было бы также непонятно, почему въ положеніи передъ слогомъ съ ударяемымъ *а* звукъ *а* предположенной формы вада измѣнился въ *ы* или *а* глухое (α), между тѣмъ какъ тотъ же звукъ передъ другими ударяемыми гласными остается безъ измѣненія, тѣмъ болѣе непонятно, что начальное *а* безразлично отъ качества гласной въ слѣдующемъ ударяемомъ слогѣ не только измѣняется въ глухой звукъ (откуда *ы*), но даже исчезаетъ: ибѣдъ, 'тецъ и т. д. Очевидно вмѣстѣ съ тѣмъ, что современное произношеніе въ говорахъ первой и второй группы должно восходить къ одному общему первоначальному произношенію, отличному отъ произношенія общерусскаго и общевеликобѣлорусскаго. Для объясненія различій, замѣченныхъ въ современныхъ говорахъ въ судьбѣ звуковъ *о*, *а*, *е* въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію, я нахожу возможнымъ выставить слѣдующія предположенія.

Во южновелико-бѣлорус. эпоху звуки *о*, *а*, *е* въ слогахъ непосредственно предшествующихъ ударенію перешли, какъ сказано выше, въ α и ɛ: вαда, вз'αла́, н'ɛси, αтец и т. д. Но такой переходъ имѣлъ мѣсто только въ начальномъ слогѣ слова; въ слогѣ же неначальномъ (предшествующемъ ударенію) вм. древнихъ *о*, *а*, *е* въ эту эпоху являлись *а* полн. обр. и *е* полн. обр.: пαвада́, вɛс'ала́ (изъ вес'ола́), зαнеси́ и т. д. Различное измѣненіе звука *о* въ вода съ одной стороны, повода́ съ другой, объясняется, вѣроятно, тѣми первоначальными отношеніями между вѣсомъ или высотою неударяемыхъ слоговъ, которыя существовали въ болѣе древнія эпохи. Если ударенію предшествовало два или нѣсколько слоговъ, сила или высота этихъ неударяемыхъ слоговъ росла въ направленіи къ ударяемому сло-

гу, характеръ произношенія слоговъ передъ удареніемъ былъ восходящимъ: начинаясь съ слабѣйшаго звука или наиболѣе низкаго тона, рѣчь постепенно переходила къ сильнѣйшимъ звукамъ или болѣе высокимъ тонамъ и между неудар. слогами сильнѣйшимъ звукомъ или наиболѣе высокимъ тономъ оказывался звукъ или высота слога передъ самымъ удареніемъ. Такое предположеніе о первоначальномъ характерѣ русскаго ударенія находитъ подтвержденіе въ исторіи сербскаго ударенія: какъ въ общесербскомъ, такъ и въ нѣкоторыхъ современныхъ говорахъ наиболѣе высокій тонъ приходится на слогъ непосредственно предшествующій удареніе, чѣмъ частію объясняется переносъ ударенія въ штокавскихъ говорахъ. Изъ предидущаго изложенія характера общерусскаго ударенія нельзя не вывести, что сила и высота слога передъ удареніемъ были относительны: когда въ послѣдующую эпоху ударе́ніе усилилось и вызвало ослабленіе ударяемыхъ гласныхъ, звуки въ слогѣ непосредственно предшествующемъ удареніе также должны были ослабиться, но они оставались безъ измѣненія, или, можетъ быть, ослаблялись въ незначительной степени въ томъ случаѣ, если имъ принадлежала относительная сила, что, какъ видно изъ предыдущаго, имѣло мѣсто тамъ, гдѣ слогу передъ удареніемъ предшествовалъ другой слогъ. Итакъ, если мы предположимъ, что въ велико-бѣлорусскую эпоху музыкальный характеръ ударенія смѣнился экспираторнымъ, можно сказать, что первоначальное отношеніе между высотами смѣнилось отношеніемъ между силами: подобно тому какъ въ болѣе древнюю эпоху слогъ *не* въ занеси былъ выше слога *за*, въ эту новѣйшую эпоху слогъ *не* былъ сильнѣе слога *за*, долженъ былъ сохранить относительно бо́льшую силу. Итакъ, мы видимъ измѣненіе самаго характера ударенія, но рядомъ сохраненіе первоначальныхъ отношеній между слогами. Въ силу изложенныхъ соображеній я считаю нужнымъ допустить двоякое измѣненіе звуковъ въ слогахъ передъ удареніемъ: въ начальномъ слогѣ находимъ ослабленіе *а*, *о*, *е* въ ɑ и ɛ,

въ неначальномъ сохраненіе звуковъ *а* и *е* и переходъ *о* въ *а*; этотъ переходъ, думаю, слѣдуетъ понимать такъ, что звуки *о*, *а*, *е* въ положеніи и не въ начальномъ слогѣ стремились перейти въ ɑ и ɛ, но подъ вліяніемъ положенія послѣ слоговъ съ ослабившимися звуками (въ третьемъ отъ ударенія слогѣ) вмѣсто ɑ и ɛ являлись гласныя полнаго образованія *а* и *е*. — Прослѣжу теперь звуки *а*, *е*, ɑ, ɛ въ слогѣ передъ ударéніемъ въ ихъ исторіи по отдѣльнымъ говорамъ, на которые распалось южновелико-бѣлорусское нарѣчіе. Сначала укажу, что на основаніи нѣкоторыхъ соображéній мы можемъ различать въ звукахъ ɑ и ɛ звуковые оттѣнки, различно отразившіеся въ нѣкоторыхъ говорахъ. Звуки ɑ и ɛ были открытыми или закрытыми, точнѣе—среди звуковъ ɑ и ɛ различалось нѣсколько оттѣнковъ ɑ и ɛ по отношенію къ закрытости или открытости ихъ: въ языкѣ были извѣстны ɑ, ɛ открытыя, ɑ, ɛ менѣе открытыя, ɑ, ɛ закрытыя, ɑ, ɛ болѣе закрытыя и т. д. Оттѣнки эти зависѣли отъ того, какая гласная находилась въ слѣдующемъ слогѣ подъ ударéніемъ: чѣмъ болѣе открыта была эта гласная, тѣмъ болѣе закрыты были звуки неполнаго образованія въ предшествующемъ слогѣ, чѣмъ болѣ закрыта была ударяемая гласная, тѣмъ болѣе открыты были эти звуки въ слогѣ передъ ударéніемъ. Очевидно, ударяемая гласная заглушала предшествующіе ей звуки неполнаго образованія, отнимая у нихъ тѣ характеристическія черты, которыми обусловливается образованіе самóй ударяемой гласной: открытая гласная заглушала закрытость, закрытая гласная закрытость этихъ звуковъ. Такимъ образомъ передъ ударяемымъ *а*, передъ удар. *е*, передъ удар. *у* и т. д. въ языкѣ являлись различные оттѣнки звуковъ ɑ, ɛ; передъ ударяемымъ *а* звуки ɑ, ɛ были особенно закрыты, напротивъ передъ ударяемыми *и* и *у* особенно открытыми, а передъ ударяемыми *е* и *о* являлись средніе оттѣнки этихъ звуковъ. Вотъ чѣмъ объясняется то, что въ современныхъ южновелик. и бѣлор. говорахъ мы встрѣчаемся съ явленіями слѣдующаго рода: вслѣдствіе перехода

въ нѣкоторыхъ изъ этихъ говоровъ ɑ закрытаго въ *ы*, ɛ закрытаго въ *і*, мы найдемъ на мѣстѣ звуковъ *о*, *а*, *е* эти *ы* и *і* только передъ гласной *а* въ слѣдующемъ ударяемомъ слогѣ, между тѣмъ какъ передъ другими ударяемыми гласными является звукъ *ɑ* очевидно изъ ɑ и ɛ открытыхъ; такъ въ современныхъ Ельнинскихъ говорахъ рядомъ съ выда, вилять, дисятый находимъ вадой, далить. Слѣдовательно ɑ и ɛ оставались здѣсь закрытыми только передъ *а*, между тѣмъ какъ всякіе другіе оттѣнки этихъ звуковъ совпали съ открытыми ɑ и ɛ, полученными передъ гласными *у* и *и*. Въ другихъ современныхъ говорахъ ɛ въ различныхъ его оттѣнкахъ измѣнилось въ ɛ закрытое, полученное передъ гласною *а*, но открытое ɛ сохранялось передъ ударяемой гласной *и*; отсюда, послѣ перехода ɛ закр. въ *и*, ɛ откр. въ *а*, съ одной стороны вила, видѣть, вилѣть, съ другой вяликъ, привяли и т. д. Послѣ этихъ замѣчаній разсмотрю рядъ звуковыхъ явленій, принадлежавшихъ отдѣльной жизни тѣхъ или другихъ южновеликор. и бѣлор. говоровъ.

1. Звукъ ɑ въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ во многихъ говорахъ, ассимилируясь предшествующимъ звукамъ, переходилъ въ ɛ. Такая ассимиляція весьма понятна, если мы вспомнимъ, что ɑ было звукомъ неполнаго образованія; ср. діалект. измѣненіе *а* въ *е*[1] между смягченными согласными: сѣверновелик. грезь, взеть. Въ нѣкоторыхъ говорахъ въ ɛ измѣнилось всякое ɑ, т. е. какъ закрытое, такъ и открытое; закрытое ɑ измѣнялось въ ɛ закр., открыт. ɑ въ ɛ откр. Къ такимъ говорамъ принадлежалъ напр. московскій, гдѣ первонач. с'ɑлó, в'ɑдý, в'ɑлá, с'ɑстрá, ч'ɑтырɛ и т. д. измѣнились въ с'ɛлó, в'ɛдý, в'ɛлá, с'ɛстрá, ч'ɛтырɛ (ср. въ совр. московск. съ измѣненіемъ звука ɛ неполн. образов. звукомъ *е*: с'ело, в'еду, ч'етырɛ и т. д.). Въ другихъ говорахъ переходъ ɑ въ ɛ имѣлъ мѣсто, повидимому, только въ отношеніи ɑ закрытаго: пл'ɑсáть измѣнялось въ пл'ɛсать, но в'ɑдý оставалось безъ измѣненія: ср. въ совр. ельнин., послѣ замѣны ɑ черезъ *а* полнаго образов. плисать при

вяду. Наконецъ въ третьихъ говорахъ совсѣмъ не было извѣстно измѣненіе α въ ɛ: ср. соврем. рязан. плясать, вяду съ гласными *а* полн. образованія, замѣнившими α неп. образованіи.

2. Въ нѣкоторыхъ говорахъ звукъ ɛ открытый, равно какъ и менѣе открытые его оттѣнки (передъ удар. гласными *е*, *о*, *ъ*) измѣнялся въ α открытое, вслѣдствіе близости открытыхъ звуковъ ряда *е* къ звукамъ *а*. Такъ въ ельнин. говорахъ вм. вɛлúкъ, вɛлéлъ, вɛс'óлый съ открытыми ɛ являлись в'αлúкъ, в'αлéлъ, в'αс'óлый, откуда, послѣ замѣны α черезъ *а* полнаго образ., вялúкъ, вялéлъ, васóлый при вилять, минять и т. д., гдѣ *и* изъ ɛ закрытаго, не измѣнившагося въ α.

3. Въ нѣкоторыхъ говорахъ звуки α и ɛ теряли свои оттѣнки закрытости, меньшей открытости, большей открытости и переходили въ α и ɛ открытыя. Въ однихъ изъ такихъ говоровъ ɛ открытое, становясь еще болѣе открытымъ, переходило въ α, ср. рязан. вяликъ, вялять, дялилъ, дялять съ позднѣйшею замѣною звуковъ α неполн. образ. звуками *а* полн. образ. Можетъ быть, въ другихъ говорахъ сохранялось различіе между α и ɛ, почему въ современномъ ихъ положеніи мы вм. ɛ найдемъ *е* откр., при чемъ ɛ (откуда *е* откр.) являлось и вмѣсто α послѣ смягченныхъ согласныхъ: пл'есáть, в'едý съ откр. *е*.

4. Звукъ α въ началѣ слова измѣнялся въ однихъ говорахъ въ *а* полн. образ.: анá, абéдъ вм. αнá, αбéдъ; въ другихъ говорахъ кромѣ этой замѣны былъ извѣстенъ переходъ начальнаго α въ ɛ: ɛнá, ɛбéдъ, откуда инá, ибéдъ. Ср. отсутствіе въ русск. языкѣ звука *ъ* въ началѣ слова. Въ нѣкоторыхъ говорахъ начальное α исчезало совсѣмъ изъ произношенія, при чемъ фонетически такое исчезновеніе имѣло, вѣроятно, мѣсто послѣ гласной предшествующаго слова: мой αтéц, за αвсóм переходили въ мой тéц, за всóм.

5. Выше было указано, что въ южновелико-бѣлорусскую эпоху въ слогѣ передъ удареніемъ вм. гласныхъ *о*, *а*, *е* были получены: а) въ начальномъ слогѣ слова

гласныя неполн. образ, ɑ и ɛ, b) въ неначальномъ слогѣ гласныя полнаго образов. *а* и *е*[1] (закр. *е*). Рядомъ съ вɑдá, несú являлись пɑвадá, зɑнесú и т. д. Вслѣдствіе этого во всѣхъ говорахъ южновеликор. и бѣлорус. нарѣчій замѣчается съ одной стороны переносъ гласныхъ полнаго образов. *а*, *е* въ слоги начальные, съ другой замѣна въ неначальныхъ слогахъ гласныхъ полн. обр. гласными ɑ, ɛ. Весьма естественно, что чередованіе гласныхъ *а*, *е* — ɑ, ɛ началось въ тѣхъ или другихъ рядахъ отдѣльныхъ словъ: при несú являлись нɑнесú, зɑнесú, принесú и т. д. вм. нɑнесú; обратно эти формы вызывали несú, вытѣснявшія нɛсú; впослѣдствіи, уже въ отдѣльныхъ говорахъ, обобщались тѣ или другіе результаты нефонетическаго чередованія гласныхъ, т. е. возникалъ уже фонетическій (какъ касавшійся звуковъ самихъ по себѣ, независимо отъ положенія ихъ въ томъ или въ другомъ словѣ) законъ о замѣнѣ гласныхъ неполн. обр. гласными полн. образ. или обратный—о замѣнѣ гласныхъ полн. обр. гласными неполн. образ. Въ московскомъ говорѣ гласныя неп. образов. въ слогахъ передъ удареніемъ замѣнены правильно и постоянно гласными полнаго образ.: вɑдá, н'ɛсú, н'ɛсý, р'ɛкá и т. д. переходили здѣсь въ вадá, несú, несý, рекá. Тоже имѣетъ мѣсто напр. въ рязанскомъ говорѣ: вадá, няси́, нясý, рякá непоср. изъ вɑдá, н'ɑсú (вм. н'ɛсú согласно 3), н'ɑсý, р'ɑкá (вм. р'ɛкá согл. 3). Въ ельнинскихъ и другихъ подобныхъ говорахъ, гдѣ наиболѣе рѣзко сохранялись отличія между ɑ, ɛ откр. и закр., видимъ, что только ɑ, ɛ замѣнялись звуками полнаго образованія: вадой, вадѣ, двару, сялó (вм. с'ɑлó), вялúкъ (вм. в'ɑлик изъ в'ɛлúк согл. 2), рячúстый (вм. р'ɑчúстый изъ рɛчúстый согласно 2); между тѣмъ закрытыя ɑ и ɛ (т. е. полученныя передъ удар. гласными *а*) не только не замѣняются гласными полнаго образ., но и сами вытѣсняютъ таковыя, вслѣдствіе чего вм. звуковъ *а* (*я*), *е* полн. образов. являются ɑ, ɛ (откуда ъ, и). Такъ рядомъ съ выдá, рикá, ныгá, вилять, нислá и т. д., гдѣ ъ, и восходятъ къ первонач. ɑ, ɛ, видимъ гылывá, вырытá, зынислá, привилá,

ныдилять и т. д., гдѣ *ъ*, *ь* замѣнили (черезъ посредство *ɑ*, *ɛ*) первоначальныя гласныя полн. образованія *а* (*я*), *е*. Весьма вѣроятно, что въ говорахъ, гдѣ закрытыя *ɛ*, *ɑ* были извѣстны не только передъ *а*, но также передъ *е*, *о*, мы должны объяснить *і* напр. въ павилѣлъ также изъ *е* полн. образ. (измѣнившагося непосредственно въ *ɛ*), ср. вилѣлъ непосредственно изъ вɛлѣлъ.

Предъидущее изслѣдованіе дало намъ возможность на основаніи точныхъ данныхъ изъ современныхъ говоровъ Ельнинскаго уѣзда, сопоставленныхъ съ особенностями московскаго и другихъ говоровъ, опредѣлить звуковыя отношенія, въ которыхъ находились въ велико-бѣлорусскую эпоху звуки *а*, *о*, *е*. Теперь я обращусь къ главному предмету этой статьи — къ опредѣленію звукового состава мосальскихъ говоровъ, извѣстныхъ мнѣ изъ личныхъ наблюденій: выше я указалъ, съ какими частями Мосальскаго уѣзда мнѣ удалось познакомиться лѣтомъ 1895 года.

Остановлюсь сначала на неударяемыхъ *а*, *о*, *е* въ мосальскихъ говорахъ и попытаюсь, въ виду полученныхъ раньше результатовъ, возстановить связь между современнымъ звуковымъ составомъ этихъ говоровъ и говоровъ велико-бѣлорусской эпохи, т. е. эпохи великорусскаго и бѣлорусскаго единства.

О неударяемыхъ *а*, *о*, *е* въ мосальскихъ говорахъ.

Разсмотрю неударяемыя *а*, *о*, *е*, а также звуки близкіе къ нимъ по условіямъ произношенія и связанные съ ними по происхожденію, въ тѣхъ различныхъ положеніяхъ ихъ въ словѣ, которыя опредѣлены были выше.

I. Слогъ непосредственно предшествующій ударенію.

А. Звуки *а* (т. е. *а* чистое), а̀ (звукъ неполнаго образованія, близкій къ краткому *а* и къ краткому *о*) чередуются въ открытомъ началѣ слова съ звукомъ *и*, восходя вмѣстѣ съ нимъ къ первоначальнымъ *а*, *о*. Рядомъ съ аве́ц, ате́ц, ади́н, атты́да̀ва, асми́ну, апе́ть у меня отмѣчено а̀тста́лся (остался), а также: ина́, идна́, итда́ш, итня́л, ипя́ть, итста́лося, ихо́тник, ите́ц, ипе́ть, иди́н, ивсы́, итты́ле. Кромѣ того видимъ отпаденіе звука, напр. ўе́чка (овечка), вёс и wёс (w обозначаетъ губное в, овёсъ), тец (есть тец? вм. отецъ), сму́шку (осьмушку); особенно часто въ положеніи за гласной предшествующаго слова: двѣ льхи́ (двѣ ольхи), при тцу́ (при отцѣ), ни ди́н (ни одинъ), ён всё дин (всё одинъ) будеть, на всё хотник (охотникъ), за мба́р (за амбаръ), па сми́ни (по осминѣ), да рла́ (до Орла) и т. д. Въ положеніи передъ неслоговымъ *у* вм. *а* я иногда слышалъ *о:* рядомъ съ аўса́ у меня отмѣчено двѣ оўцы́; ср. переходъ ударяемаго *а* въ *о* въ случаяхъ, какъ прибо́ў (вм. прибавь).

В. Послѣ твердыхъ согласныхъ мы найдемъ въ предпослѣднемъ слогѣ чередованіе звуковъ *а*, а̀ и *ы;* при извѣстныхъ условіяхъ вм. этихъ звуковъ является и *у*. При этомъ слѣдуетъ различать: 1) положеніе передъ слогомъ съ ударяемымъ *а*, 2) положеніе передъ слогомъ съ другой ударяемой гласной.

1. Въ положеніи передъ ударяемымъ *а* мы находимъ постоянно звуки а̀, *ы*, а при извѣстныхъ условіяхъ *у;* нерѣдко я отмѣчалъ въ такомъ положеніи звукъ *а* чистое, но думаю, что ошибочно, смѣшивая наблюдавшееся мною произношеніе съ собственными звуками. Звуки а̀ и *ы* чередуются при условіяхъ, ближайшее опредѣленіе которыхъ невозможно. Такъ мы найдемъ: из два̀ра́, у па̀па́, ба̀γа́тая, са̀ма́, да̀ма́, за̀ла́, па̀ха́ть, ма̀я́, да̀са́да, ста̀ття́, па̀жа́луйста, па̀ста́вила; рядомъ: дли скыта́, дыжжа́, кыба́к, сыма́, быля́ть, мыча́ла, ни рыжна́, глыза́, дычка́, прыда́л, пыха́ть, сыба́ка, хрыма́ить, Мыса́льск, да рыштва́,

ны ма́сло, пышла́ прочь, рыγа́, атдыва́л и т. д. Звукъ *у* является подъ вліяніемъ предшествующей губной въ пура́дочно, пупа́л, пупра́вили, забувля́ецца, самува́р, самува́рчик, самуа́р (съ выпаденіемъ *в*); въ су вся́ким видимъ вліяніе слѣдующаго *в* на предшествующій звукъ; въ суда́тах такое же вліяніе принадлежитъ звуку *л*, ср. діалект. мосальск. хаўсты́ вм. холсты. Кромѣ того *у* является вм. *а*, *ъ* въ положеніи за слогомъ съ *у*: рукува́, дурука́, γусука́ (но дураки́, γусаки́), хрустуля́. Пропускъ гласной въ слогѣ передъ ударяемымъ *а* наблюдается, напримѣръ, въ случаяхъ: курпа́тка (вм. куропа́тка), колакла́ (вм. колокола́).

2. Въ положеніи передъ прочими ударяемыми гласными, въ соотвѣтствіи указаннымъ выше звукамъ *у*, *а*, *ъ*, находимъ правильно только чистое *а*: дваро́ў, γарѣл, скату́, паклоны, палу́днавать, пади́-ка, пало́зить (3 л. ед.), вазьме́ш, абаллёш, пашёл (такъ!), з дачко́ю, харо́ш. Исключенія, какъ сапо́жник, чрезвычайно рѣдки. Звукъ *ъ* въ такомъ положеніи не извѣстенъ: о случаяхъ, какъ ны ржи́ будетъ сказано ниже (V); въ дрыжи́ть, накрыши́ *ъ* восходитъ не къ *о*, а къ *ъ*, о чемъ см. выше, гдѣ говорится о такомъ *ъ* въ ельнинскихъ говорахъ, и ниже, гдѣ мы остановимся на судьбѣ звука *ъ* въ мосальскихъ говорахъ. Звукъ *а* и даже *у* замѣняютъ *а* чистое подъ вліяніемъ ассимиляціи его звукамъ предшествующаго неударяемаго слога: пра̀вадо́ (вм. пра̀вадо́), γа̀мани́ (вм. γа̀мани́), γа̀ласы́ (вм. γа̀ласы́), па̀гарѣла (вм. па̀γарѣла), ха̀ра̀шо́ (вм. ха̀рашо́), музули́ (вм. музали́, при чемъ *у* вм. *а* подъ вліяніемъ предшествующаго губного звука). Въ нѣсколькихъ словахъ видимъ даже выпаденіе звука въ положеніи въ слогѣ передъ удареніемъ: ма̀йγо́, свайγо́, маймў; ха̀лдно́ (вм. ха̀ладно́). Двѣ гласныя стягиваются въ одну въ набѣдамши, набѣдали, прибща́ть. Если на словѣ ложится особенно сильное удареніе (напримѣръ въ восклицаніяхъ, приказаніяхъ), мы съ одной стороны находимъ растяженіе неударяемой гласной въ двусложныхъ словахъ: ха̀ди́, а съ другой измѣненіе *а* и другихъ

гласныхъ неполнаго образованія въ третьемъ отъ ударенія слогѣ въ гласныя полнаго образованія, при чемъ взамѣнъ этого чистое *а* слога передъ удареніемъ переходитъ въ а̀: пага̀ди́-ка пага̀ди́ (вм. па̀гади́), гава̀ри́ (вм. га̀вари́).

C. Въ положеніи послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ *ж*, *ш*, *ц* мы находимъ: 1) передъ ударяемымъ *а* звуки а̀, *ъ* и даже *э*: цына́, жына́, ша̀льна́я, цэря́; въ кружува́ видимъ *у* вм. а̀ подъ вліяніемъ *у* въ предшествующемъ слогѣ; 2) передъ прочими ударяемыми гласными звукъ *а* чистое: жале́зо, па̀дишаве́ло, цале́е, чижало́, шако́лдочка, шшапо́ю, царько́вный, шасто́м, жаре́бная, па̀шаве́ливай, шасти́, жани́лся, ацани́ть, крашани́нка, шшани́шный, жану́, жалу́да̀к и т. д. Впрочемъ, у меня отмѣчено и произношеніе жыле́ить.

D. Послѣ смягченныхъ согласныхъ мы находимъ разные звуки передъ ударяемымъ *а* и передъ другими ударяемыми гласными. Разсмотримъ отдѣльно эти оба различныя положенія.

1. Передъ ударяемымъ *а* мы почти исключительно найдемъ *и*: свита́я, слипа́я, Диснá́я (назв. рѣки), бида́, нанита́я, видра́, зимля́, дичка́ (вм. дьячка), лиса́, тиля́тамъ, двина́дцать, взила́, питна́дцать, авсица́, систра́, лита́ить, литя́ть, лиγа́вая, шерстина́я, висна́, плиса́ла, миста́ и т. д. Лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ мнѣ удавалось слышать другое произношеніе, а именно e^2 (т. е. открытое, широкое *е*): ле^{2}са́, зве^{2}ла́, бе^{2}да́; звукъ *а* отмѣченъ мною только въ словѣ яда́; произношеніе, какъ ляпа́я, ляса́, нясла́, я слышалъ уже въ Жиздринскомъ уѣздѣ.

2. Передъ прочими ударяемыми гласными видимъ различные результаты измѣненія первоначальныхъ *а*, *о* въ зависимости отъ того, слѣдуютъ ли за ними: α) твердыя или β) смягченныя согласныя.

α) Передъ твердыми согласными мы находимъ почти исключительно звуки *а* или рѣже e^2 (*е* открытое): свято́й, свяγу́ю, сляпо́й, Дясно́ю, ласо́ў, зямлёю (*м* твердо), зямля́, мятлы́, дерявўшка, ня ду́май, ня пьём (*п* твердо), ня до́роγо, бяз до́жжу, перяхо́т, Хвядо́това, вядро́, бядо́-

вай, сямóй, вертянó, мяшóчекъ, дяўчóнка, сялó, пясóк, лясóк, вяснóй, стяклóм, пятýх, рявýть, чатыри, пабяўý, плятýть, вярсты три, ляжыть, γряшúть (*ш* твердо, хотя за нимъ звукъ *и*), дяржúм (*ж* твердо), сярдúтый (*р* твердо), жирябьй (*б* твердо), лягýшка и т. д.; ве²снóй, кале²сó, гре²шнó, ле²сóчки, де²лóў, не²мнóγа, в ле²сý, бе²стыдник, пле²тý и т. д. Звукъ *и* въ такомъ положеніи является очень рѣдко: я отмѣтилъ только придýть, читыри.

β) Передъ смягченными согласными мы не находимъ той послѣдовательности, которая наблюдается, какъ мы видѣли, при другихъ положеніяхъ; только здѣсь, въ слогѣ передъ удареніемъ, замѣчается разнообразіе и колебаніе въ звукахъ. — Впрочемъ, общимъ правиломъ можно, кажется, выставить, что передъ ударяемымъ *и* является между смягченными согласными предшествующаго слога *а (я)*: вядú, атдялúлся, раздялúть, смянúло, принялú, бяγú, прибярú, дисятúны и т. д.; ср. еще е² въ случаяхъ, какъ бе²γúть, γре²чúхи (*ч* мягко); исключеній изъ этого очень мало; у меня отмѣчены только: помисúл, трисúна, снигú, лисúна, тинú; въ дисити, бириγúтя можно видѣть вліяніе третьяго отъ ударенія слога; что до дитьмú, то, какъ было замѣчено уже выше, *и* въ этой формѣ, такъ же, какъ въ дитéй, настолько же древне, какъ въ дитя́.—Напротивъ передъ ударяемымъ *е* (закрытымъ и открытымъ) въ предшествующемъ слогѣ между мягкими согласными правильно находимъ *и:* типéря, плимéнницы, стирéчь, γлидéть, читвирéнькахъ, унисéть, нисéте, панисéть, забирéть, паразбирéте, нисéш, тилѣγа, ср. еще е¹ (*е* закрытое) въ спе¹кéш, пре¹дéть, запре¹γéть, распре¹γéть, тре¹сéтца, се¹рéбриная и др. Исключенія очень рѣдки; я отмѣтилъ только: земéльки, ячмéнем (оба случая передъ ударяемымъ закрытымъ *е*).—Передъ ударяемымъ *о* обыкновенно видимъ въ предшествующемъ слогѣ между мягкими согласными *и:* дирём, сбирёть, рибёнок, тилёнка, јиγнёнка, читвёртый, видмидёнок, питьсóт и др.; ср. е¹ въ бе¹ллё (бѣлье); исключеній мало: зялёнай, сярёх; что до случаевъ, какъ сястрёнка, зямлёю, ня пьём и т. п.,

то, какъ это частью указано выше, за *о* слѣдуютъ не мягкія, а твердыя согласныя.

Я не рѣшился бы выставлять правилъ, которыми обусловлено чередованіе звуковъ въ слогѣ передъ ударѐніемъ, если бы имѣлъ въ виду только свои наблюденія; но сходство отмѣченныхъ мною явленій съ данными, извлеченными для ельнинскихъ говоровъ изъ записей г. Добровольскаго, даетъ мнѣ основаніе думать, что приведенные факты вѣрно представляютъ дѣйствительный звуковой составъ мосальскихъ говоровъ. Въ виду этого, рѣшаюсь тутъ же остановиться на вопросѣ о причинахъ, вызвавшихъ описанное разнообразіе звуковъ и подкрѣпить новыми данными тѣ объясненія, которыя были предложены выше.

Надо замѣтить прежде всего, что мы имѣемъ дѣло съ результатами цѣлаго ряда фонетическихъ явленій, нынѣ уже не дѣйствующихъ въ языкѣ: съ точки зрѣнія современной фонетики рѣшительно необъяснимо, почему при выда́, висна́ мы найдемъ вадѣ́, вяснѣ́; равнымъ образомъ непонятно, почему при тялу́шка мы правильно найдемъ тилёнка: звуки *а*, *и*, *ъ* въ приведенныхъ примѣрахъ въ настоящее время оказываются звуками полнаго образованія, и связь звука *а* съ твердыми согласными или гласными закрытыми (не *а*), такъ же какъ связь звука *ъ* съ гласными открытыми (*а*) или звука *и* съ слѣдующими смягченными согласными представляется случайной, не стоящей въ связи съ другими явленіями современной фонетики. Мы знаемъ, на основаніи данныхъ, представляемыхъ русскими нарѣчіями, а также древнерусскимъ языкомъ, что выда́, вадѣ́ восходятъ въ первоначальному произношенію съ *о* въ предпослѣднемъ слогѣ (вода́, водѣ́), но не рѣшаемся выводить современное произношеніе непосредственно изъ древняго, первоначальнаго, не предположивъ между ними ряда посредствующихъ ступеней: на это ясно указываетъ вся совокупность

относящихся сюда явленій. Кто станетъ выводить соврем. мосальское вадѐ непосредственно изъ водѣ̀ остановится не только передъ измѣненіемъ вода́ не въ вада́, а въ выда́, а также передъ переходомъ отéц, обѐд и т. д. въ итéц, ибѐт. Между первоначальнымъ звуковымъ составомъ, возстановляемымъ посредствомъ сравнительнаго изученія русскихъ нарѣчій, и современнымъ, слѣдуетъ предположить такой промежуточный звуковой составъ, гдѣ дѣйствовали бы законы, результаты которыхъ находимъ теперь, гдѣ измѣненіе вода́, водѐ, отéц въ звуки, отразившіеся впослѣдствіи въ совр. выда́, вадѐ, итéц, было бы вызвано одною общею причиною. Выше было предположено, что въ извѣстную эпоху жизни южновеликорусскихъ говоровъ всякія неударяемыя *о*, *а*, *е* измѣнились въ звуки неполнаго образованія, которые мы обозначили черезъ α (результатъ измѣненія *о*, *а*) и черезъ ε (результатъ измѣненія звука *е*); это предположеніе необходимо вызываетъ другое: различное измѣненіе α и ε въ дальнѣйшей жизни языка обусловливалось сосѣдними звуками, а именно гласною ударяемаго слога и согласными окружавшими предположенные звуки неполнаго образованія. Вліяніе гласной ударяемаго слога состояло въ томъ, что между нею и предшествующими звуками неполнаго образованія установливалось извѣстнаго рода соотвѣтствіе: если ударяемая гласная произносилась открыто, предшествующая гласная неполнаго образованія становилась закрытой, глухой; напротивъ закрытость ударяемой гласной имѣла слѣдствіемъ открытое произношеніе гласной предшествующаго слога. Такимъ образомъ надо предполагать, что гласныя α и ε имѣли столько же оттѣнковъ, сколько различныхъ гласныхъ могло слѣдовать за ними въ ударяемомъ слогѣ: вαда́, вαдо́ю, вαдѐ, вαди́ца, вαды́ произносились съ α — закрытымъ въ первомъ слогѣ, болѣе открытымъ во второмъ, особенно открытымъ въ двухъ послѣднихъ словахъ. — Вліяніе согласныхъ на гласныя α и ε состояло въ ассимиляціи этихъ гласныхъ предшествующимъ или послѣдующимъ согласнымъ: смягченныя соглас-

ныя измѣняли эти гласныя въ направленіи къ *i*, когда предшествовали или слѣдовали за ними; лабіализованныя согласныя при тѣхъ же условіяхъ измѣняли ихъ въ направленіи къ *y*; твердыя согласныя нелабіализованныя вліяли на открытость ихъ произношенія, на измѣненіе ихъ въ направленіи къ *a*. Я думаю, что всѣ эти тонкіе оттѣнки въ гласныхъ предшествующихъ ударяемому слогу принадлежали тому звуковому составу, къ которому непосредственно восходятъ всѣ южновеликорусскіе и бѣлорусскіе говоры; но во многихъ изъ нихъ тонкіе оттѣнки исчезли, и полученное разнообразіе, поразительное колебаніе звуковъ смѣнялись, по той или другой причинѣ, болѣе или менѣе единообразнымъ произношеніемъ. Но мосальскіе говоры принадлежатъ къ тѣмъ говорамъ, которые сохранили слѣды всѣхъ указанныхъ оттѣнковъ и колебаній въ звукахъ. Современный звуковой составъ ихъ указываетъ ясно на то, что первоначальныя отношенія значительно измѣнились въ эпоху промежуточную между современнымъ состояніемъ языка и временемъ великобѣлорусскаго единства. Основной точкой, изъ которой исходили эти измѣненія, оказывается то обстоятельство, что въ языкѣ передъ удареніемъ были извѣстны не только гласныя неполнаго образованія, но также гласныя полнаго образованія: въ двусложныхъ словахъ первый слогъ слова, если онъ былъ неударяемый, получалъ гласныя неполнаго образованія въ силу того общаго закона, по которому гласныя неударяемыя измѣнялись въ гласныя неполнаго образованія (вада́, весна́, леса́, старик); то же имѣло мѣсто и въ многосложныхъ словахъ, если слогъ, непосредственно предшествующій ударенію, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ въ словѣ (капы́то, лапа́та). Но если такому слогу предшествовалъ еще слогъ, вмѣсто гласныхъ неполн. образ. являлись гласныя полн. образованія въ силу того, что въ такомъ положеніи неударяемая гласная не теряла своего полнаго характера: первоначальное отношеніе, въ которомъ въ общер. языкѣ находились неударяемыя гласныя, въ случаѣ встрѣчи нѣсколькихъ такихъ

гласныхъ въ слогахъ передъ удареніемъ, требовало извѣстной послѣдовательности въ музыкальныхъ высотахъ ихъ, а именно слогъ ближе къ ударенію былъ выше слоговъ, отстоящихъ дальше отъ него; слогъ же непосредственно предшествующій ударенію, былъ настолько высокъ, что онъ въ извѣстныхъ случаяхъ, а именно еще тогда, когда въ самомъ удареніи преобладалъ музыкальный характеръ передъ экспираторнымъ, перетягивалъ удареніе на себя (ср. общеслав. переносъ ударенія въ случаяхъ: по́ воду, на́ руку, за́ лѣсомъ, по́дъ голову и т. д.). Въ тотъ періодъ жизни русскаго языка, когда неударяемыя гласныя, можетъ быть подъ вліяніемъ измѣненія въ характерѣ ударенія, становившагося тамъ, гдѣ онъ былъ полученъ экспираторнымъ, еще болѣе сильнымъ (ср. полудолготу ударяемой гласной въ современныхъ русскихъ говорахъ), — ослаблялись до степени гласныхъ неполнаго образованія, такое измѣненіе ихъ могло имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ имъ не нарушалось первоначальное соотношеніе между неударяемыми слогами: поэтому гласная передъ удареніемъ ослаблялась только тогда, когда ей не предшествовалъ другой слогъ; въ противномъ же случаѣ, стремленіе сохранить относительный ея вѣсъ передъ болѣе слабой гласной сосѣдняго неударяемаго слога—имѣло слѣдствіемъ то, что гласная въ такомъ положеніи не ослаблялась, оставалась гласною полнаго образованія, хотя и измѣнялась въ гласную болѣе открытую *а:* рядомъ съ вɑдá, вɛснá (изъ в'оснá или еще изъ в'ӧснá), свɛтóй являлись пɑвадá, лɑматá, ɑсв'атúть, прив'адý и т. п. Переходъ *о* въ *а* въ подобныхъ случаяхъ надо, думаю, понимать такъ, что *а* (гласная полнаго образованія) замѣняло ɑ, ɛ (открытое), стремившіяся возникнуть вмѣсто *о*, *а* послѣ твердыхъ и мягкихъ согласныхъ, въ силу положенія ихъ за слогомъ съ гласными неполнаго образованія. Можетъ быть, такому же измѣненію въ *а* подверглось въ ту отдаленную эпоху, о которой мы здѣсь говоримъ, и то ɛ, которое возникало изъ ѣ и e^{1}, напр. въ словахъ какъ ɑтвячáть. нɑдялúть, принястú и т. п.

Существованіе въ языкѣ съ одной стороны типовъ, какъ вада́, весна́, леса́, неси́, съ другой стороны типовъ привади́ть, панясу́, налятѣ́ть, утяну́ть и т. п. должно было неминуемо вызвать смѣшеніе обоихъ типовъ, а именно въ слогъ передъ удареніемъ проникала гласная полнаго образованія и тогда, когда ему не предшествовало другого слога: вада́, в'асна́, л'аса́, н'аси́; съ другой стороны, при извѣстныхъ условіяхъ, гласная неполнаго образованія могла замѣнить гласную полнаго образованія въ слогѣ предшествующемъ ударенію.

Указавъ на главную причину измѣненія первоначальныхъ отношеній между неударяемыми гласными въ слогѣ передъ удареніемъ, перечислю тѣ гласныя, существованіе которыхъ въ древнѣйшій періодъ подтверждается данными мосальскихъ говоровъ.

Сюда относятся: 1) гласныя полнаго образованія: *а*, ср. совр. мосальск. принясу́, сухата́, падяли́ли, замясти́; 2) гласныя неполнаго образованія: α, ε; эти гласныя были получены особенно закрытыми передъ ударяемымъ *а*, ср. совр. мосальск. выда́, лита́, болѣе открытыми передъ прочими ударяемыми гласными, ср. совр. скату́, мяту́ (съ гласными полнаго образованія); гласная неполнаго образованія α въ положеніи за смягченными согласными измѣнялась въ направленіи къ *і* и переходила въ ε, открытое или закрытое, ср. совр. висна́, свита́я; въ положеніи за лабіализованными согласными α измѣнялось въ направленіи къ *у* и переходило, можетъ быть, въ *о* (*о* неполн. образ.), откуда *у*, ср. соврем. пупа́л, пупра́вили; звукъ ε, какъ указано выше, былъ извѣстенъ съ болѣе или менѣе открытыми оттѣнками въ положеніи передъ всѣми гласными, кромѣ *а;* онъ былъ, повидимому, наиболѣе открытъ передъ ударяемымъ *и* (ср. совр. вяли́к, наси́ съ гласными полнаго образованія); передъ другими ударяемыми гласными, каковы *о*, *е*, звукъ ε имѣлъ средніе оттѣнки между открытостью и закрытостью; сохраняясь передъ твердыми согласными, ср. совр. свято́й, пято́к (съ гласными полнаго образованія), эти оттѣнки переходили

въ закрытые звуки передъ слѣдующими смягченными согласными, очевидно, ассимилируясь имъ (ср. совр. нисём, бирёх, нидѣля, тилѣγа). Только указанное нами обстоятельство бо́льшей или меньшей закрытости звука ɛ передъ ударяемымъ *и* съ одной стороны, ударяемыми *о*, *е* съ другой даетъ намъ разъясненіе, почему въ совр. языкѣ при дяли́ть, бярѝ мы найдемъ дилёж, бирём, нисе́ть; а то обстоятельство, что ɛ было менѣе открыто передъ ударяемыми *о*, *е*, чѣмъ передъ ударяемымъ *и*, стоитъ въ очевидной связи съ наибольшею закрытостью его въ положеніи передъ ударяемымъ *а*.

Первоначальныя отношенія, полученныя, какъ мы видѣли, послѣ дѣйствія закона, измѣнившаго самый характеръ ударенія, были нарушены тѣмъ, что гласныя полнаго образованія изъ случаевъ какъ привади́ть, занясти́ стремились проникнуть на мѣсто гласныхъ неполнаго образованія въ случаяхъ какъ вади́, нести́. Оставляя въ сторонѣ другіе южновеликорусскіе говоры, видимъ, что въ тѣхъ говорахъ, къ которымъ восходятъ мосальскіе, гласная полнаго образованія (*а*) замѣняла не всякія гласныя неполнаго образованія, а только тѣ, которыя ближе всего подходили къ ней по звуку, именно α открытое и ɛ открытое; что до закрытыхъ α и ɛ, то они не замѣнены гласными полн. образованія. Это послѣднее обстоятельство (замѣна α и ɛ черезъ *а*) стоитъ въ связи съ тѣмъ, что изъ гласныхъ полнаго образованія въ слогѣ передъ удареніемъ было извѣстно только *а*, замѣнившее, согласно предидущему, не только первоначальныя *а*, *о*, но также *ъ* и *е* закрытое. Если бы рядомъ съ нести́ существовало зане¹сти́, а не занясти́, мы бы конечно могли ожидать въ мосальск. говорѣ не¹сти́ (съ гласной *е* полнаго образованія); то обстоятельство, что мы находимъ нясти́, дѣлаетъ вѣроятнымъ существованіе занясти́ еще въ ту эпоху, когда въ начальномъ слогѣ были извѣстны гласныя только неполнаго образованія (нести́). Вслѣдствіе указаннаго закона о переходѣ гласныхъ α и ɛ открытыхъ въ гласную полн. образованія — *а*, мы и находимъ въ соврем. мосальск.

звукъ *а* въ слогѣ передъ всѣми ударяемыми гласными, кромѣ *а:* скату́, каро́ва, γарѣ́ть, праси́; святу́ю, пято́к, вясны́; тотъ же звукъ замѣняетъ первоначальное ε (открытое) передъ ударяемымъ *и:* дяли́, вяди́. Напротивъ передъ ударяемымъ *а*, а также передъ ударяемыми *о*, *е*, когда имъ предшествуютъ смягченныя согласныя, мы не найдемъ звука *а;* въ такомъ положеніи правильно являются звуки: *ы*, чередующееся съ α, и *и*, а послѣ лабіализованныхъ губныхъ *у*, восходящія къ первоначальнымъ α и ε закрытымъ. Подобно тому какъ гласная *а* вытѣсняла звуки α и ε открытыя, она въ свою очередь при извѣстныхъ положеніяхъ была вытѣснена α и ε закрытыми, а именно въ слогѣ передъ удареніемъ и притомъ неначальномъ въ словѣ α и ε закрытыя замѣнили звукъ *а*, въ томъ случаѣ, когда подъ удареніемъ находился звукъ *а*, или же когда звукамъ *о*, *е* подъ удареніемъ предшествовали смягченныя согласныя: принаси́ вызвало наси́ вм. наси́; напротивъ дава́ть вызвало раздава́ть вм. раздава́ть; навяди́ вызвало вяди́ вм. веди́; напротивъ вела́ вызвало завела́ вм. завяла́.

Такимъ образомъ въ болѣе древнюю эпоху можно различать, по отношенію къ слогу передъ удареніемъ, три области звуковъ: 1) область звука полнаго образованія *а* (неначальный слогъ слова), 2) область звуковъ α и ε открытыхъ (положеніе передъ всякими ударяемыми твердыми гласными, кромѣ *а*, а также положеніе передъ гласной *и*, смягчающей предшествующую согласную), 3) область звуковъ α и ε закрытыхъ (положеніе передъ ударяемымъ *а*, а также передъ ударяемыми *о*, *е*, когда имъ предшествуетъ смягченная согласная). Въ слѣдующую за тѣмъ эпоху различаются уже только двѣ области: 1) область звука *а* (положеніе передъ всякими ударяемыми твердыми гласными, кромѣ *а*, а также положеніе передъ *и*, смягчающимъ предшествующую согласную), 2) область звуковъ *ы*, α, *у*, *и* (положеніе передъ ударяемымъ *а*, а также передъ ударяемыми *о*, *е*, когда имъ предшествуетъ смягченная согласная).

Въ болѣе древнюю эпоху различіе между α, ɛ открытыми и закрытыми обусловливалось положеніемъ среди сосѣднихъ звуковъ гласныхъ и согласныхъ, при чемъ различіе между α и ɛ зависѣло отъ положенія послѣ твердыхъ и смягченныхъ согласныхъ; въ эпоху позднѣйшую различіе между α и ɛ открытыми и закрытыми замѣнилось различіемъ между *а* и закрытыми α и ɛ (откуда α, *ъ*, *у*, *и*) при чемъ среди этихъ послѣднихъ различіе α и ɛ обусловливалось положеніемъ послѣ твердыхъ и смягченныхъ согласныхъ (*ъ*, *у*, *а* послѣ твердыхъ, *и* — послѣ смягченныхъ согласныхъ).

Мосальскіе говоры, по отношенію къ разграниченію области звука *а* отъ области звуковъ α, *ъ*, *у*, *и*, не стоятъ одиноко: мы видѣли выше, что ельнинскіе говоры весьма близки къ нимъ въ этомъ отношеніи; главное отличіе ихъ отъ мосальскихъ состоитъ въ томъ, что звукъ *а (я)* проникъ и въ положеніе передъ ударяемыми *е*, *о*, когда имъ предшествуютъ смягченныя согласныя: ельнинск. дваре́й, жирябе́ц, емяе́тца, тялѣ́гу, сяре́бриная, дивярёў при мосальск. дви́рей, жирибе́ц, сміе́тца, тилѣ́га, сире́бриная, мидвидёнок. — Нѣкоторые курскіе говоры представляютъ тѣ же явленія, что ельнинскіе и мосальскіе; такъ въ говорѣ, описанномъ въ V т. Эти. сб. видимъ правильное чередованіе между *и* въ положеніи передъ ударяемыми *а* и *а* въ положеніи передъ ударяемыми гласными *и*, *у*, *ъ* (нясу́, нясѝ, но нисла́; въ лясу́, но лиса́).

II. Слоги, предшествующіе ударенію, но не сосѣдніе съ нимъ. Здѣсь мы остановимся на тѣхъ же четырехъ положеніяхъ, которыя указаны выше.

А. Въ начальномъ открытомъ слогѣ мы находимъ *а* чистое: абаждѝтя, аднаɣо́, атпили́ (вм. о́тпили); ȧ (т. е. глухой звукъ между *о* и *а*): ȧслаба́ниваить; *и:* итказа́ли. Иногда звукъ исчезаетъ совсѣмъ: мелля́н вм. Емелья́нъ, хфана́с вм. Аѳанасій.

В. Послѣ твердыхъ согласныхъ мы находимъ ȧ, чередующееся съ *ъ:* баɣамо́лка, пȧлави́ну, пȧɣади́, сȧмаɣо́;

мàладáя, пàрàся́т, пàпàхáть, на лàшадя́х, гàспадá, кàрàвáй; пàтирáл; хырашó, хырашá, трылчóк, лышадéй, кырáгóдъ, сылавéй, пырастéть, зыкатúлся; быгычáм, рызышлáся и т. д. Подъ вліяніемъ предшествующей губной видимъ: пуправлéють. Въ словахъ Висилúса, Висилéво, Кизимúроўка видимъ ассимиляцію звука à или даже ъ слѣдующему и. Полное выпаденіе звука встрѣтилось въ словахъ: гордабóйна (вм. грàдобоина), порхавúхъ, выскалéтно, благдарúм.

C. Въ положеніи послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ ж, ш, щ, ц можно услышать à и ъ: про жындарá (вм. жандáрма), жылабúтца, жырибёнок; щапúна.

D. Въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ находимъ исключительно и: дисятина, лимяшú, пиримянúли, питачóк, питушáстая, пàглидывáл, с питярúми, бирежúть (вм. беречь), бирúгáть (вм. берегутъ).

Обращаясь къ вопросу о происхожденіи гласныхъ à, ъ, у, и въ третьемъ отъ ударенія слогѣ, видимъ, что они восходятъ къ первоначальнымъ гласнымъ неполнаго образованія α и ɛ; при этомъ повидимому, еще въ очень отдаленную эпоху α, въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ, измѣнялось въ ɛ. Возможно допустить, что въ α и ɛ такого происхожденія были извѣстны тѣ же различные оттѣнки, что въ à и ɛ въ слогѣ передъ ударéніемъ, а именно закрытость и различныя степени открытости ихъ; можетъ быть, α и ɛ были закрыты, когда въ слѣдующемъ слогѣ (сосѣднемъ съ ударéніемъ) находился звукъ а полнаго образованія (хрàматá, дɛс'атú), открыты или менѣе закрыты въ остальныхъ случаяхъ (пɛтухá, нàлитá).

Мосальскіе говоры не даютъ основаній для такого предположенія, но другіе русскіе говоры, гдѣ звукъ а явился и въ такихъ словахъ какъ дявятú, пятушúться, рѣшительно указываютъ на возможность существованія открытыхъ оттѣнковъ α и ɛ въ третьемъ отъ ударенія слогѣ.

III. Слоги, слѣдующіе за удареніемъ, при томъ не конечные открытые.

А. Въ положеніи послѣ твердыхъ согласныхъ обыкновенно является а̇, вм. котораго иногда слышно и *а* чистое: ху́денькай, лё́ɣанькай, з бо́ɣам, го́рат, Ти́хан, у́ɣаль, дохтарь, ка́жнаɣа, ма́ленькаɣа, ста́раɣа, ѣ́хал и т. д. Гораздо рѣже слышно вм. а̇ — *ы:* по́тым и даже по́тэм (вм. пото́мъ). Въ вы́гнуть, вы́гнули (ср. такія же формы въ ельнинск.) *у* замѣнило *а*, вѣроятно, подъ вліяніемъ глаголовъ на *-нуть*.

В. Въ положеніи послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ *ж, ш, ц, щ* также слышно а̇, вмѣсто котораго у меня отмѣчены и другіе звуки: пале́кша̇ло, но ма̇на́ше²к съ *е* открытымъ, ло́шыдь съ *ы;* ры́жый шерсти р. ед. Въ за́ мужам у меня указано *а* чистое. Въ неу́жуж — *у* вм. а̇ подъ вліяніемъ предшествующаго *у*.

С. Въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ въ серединныхъ слогахъ чаще а̇, рѣже *и:* во́зя̇рам, ɣлинькя̇ва (назв. деревни), но ма́ленькиɣа (*к* смягчилось подъ вліяніемъ предшествующаго мягкаго *н*), апсѣ́ицца, ма́слиный. Въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ передъ твердыми согласными находимъ обыкновенно а̇, вмѣсто котораго и е²: капѣ́я̇к (и капѣ́а̇к), плахе́ня̇к, биз де́ня̇х, яи́ча̇к, Васи́лля̇ў, неспасо́бя̇н; по́ме¹р, ану́че²к, вузе́не²к, де́не²х, що́ла̇че²к, варо́те²ц; гораздо рѣже является *и:* капѣ́ик, разо́чик; но въ спряженіи глаголовъ всегда *и:* знаим, будиш, ѣдим и т. д. Передъ мягкими согласными въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ находимъ правильно *и:* сѣить, де́вить, ко́ній, хо́чить, па́хнить, приѣ́дить, бу́дить, рабо́таить. Произношеніе Васи́ляй вм. Василій совершенно единично.

IV. Слогъ конечный открытый неударяемый.

А. Послѣ твердой согласной находимъ а̇ и *а:* руска̇ɣа̇, ту́та̇; та́ма, ничо́ɣа, чужо́ɣа, була́нага, уɣрю́ма, дѣ́ла, сы́на, ма́ленькиɣа; у то́ма канцы́.

B. Послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ *ж*, *ш*, *ц*, *щ* также *а* и *а:* сонца; дарóжа, бóльша, Бóжа мой, тáмъ жа выша, хýжа, дýжа, пачúща, γарадúща, лéй жа, мéньша, мáть жа ёсь с атцóм. Гораздо рѣже *ы:* лýчшы, пабóльшы.

C. Послѣ смягченныхъ согласныхъ видимъ не только *а*, чередующееся съ е², но также *и:* двóя, трóя, старéя, сéрéя, спрáýтя, éся, нýтя, пашóлтя, у стáростя, у хáтя, на рабóтя, у Дубрóвя (назв. деревни), у γóродя, у мéстя, у нарóдя, у лéся, у пакéнтя, ў астрóγя, на хватéря, двéстя, на схóдя, на падвóдя, бирéтя, бýдя, шúря, прéждя, бóля, чатыря, ѣшьтя, дяшéвля; типéря, садúтися, крестьяня, пращевáйтя, скóлькя; такія, какія-то; откéля и т. д. На призúве², у лéсе², аттúле², у том рóде², в раздéле², дяшéвле², цыγáне², падхадúте², хадúте², толькe² и др.

Напротивъ *и:* чатыри, по мáтки, у пéчки, па дарóγи, у инóм мéсти, на γóрочки, по капýсти, на завóди, пóсли, у ўастрóγи, скóльки, нискóльки.

Судьба слоговъ, слѣдующихъ за удареніемъ, представляется мнѣ еще болѣе загадочной, чѣмъ судьба слоговъ, предшествующихъ ударенію. Въ особенности поражаетъ чередованіе въ конечныхъ открытыхъ слогахъ звуковъ *а* и *и:* у лéся, но у мéсти; кромѣ того замѣчательно правильное появленіе звука *а* полнаго образованія въ такомъ же положеніи. Изслѣдователю приходится выставить нѣсколько предположеній, разъясняющихъ всѣ эти явленія для того, чтобы поставить ихъ въ связь съ однородными явленіями въ слогахъ передъ удареніемъ. Весьма вѣроятно, что въ древнѣйшую эпоху жизни русскаго языка, до дѣйствія новаго закона объ удареніи, относительная высота слоговъ, слѣдующихъ за удареніемъ, была не одинакова; ср. различіе въ высотахъ слоговъ передъ удареніемъ; при этомъ наименѣе высокимъ былъ, должно быть, слогъ непосредственно слѣдующій за удареніемъ; наибольшую же высоту могъ имѣть слогъ наиболѣе удаленный отъ ударенія. Въ слѣдующую эпоху неударяемыя гласныя и за удареніемъ перешли въ гласныя неполнаго

образованія, т. е. *а*, *о*, *е* измѣнились въ ɑ, ɛ; но такое ослабленіе гласныхъ встрѣчало препятствіе въ относительной высотѣ нѣкоторыхъ слоговъ, которую языкъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторое время, стремился сохранить. Слогъ, непосредственно слѣдующій за удареніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ конечный закрытый, ослабляясь, получилъ гласныя неполнаго образованія ɑ и ɛ; закрытость и открытость ɛ передъ согласными обусловливались вліяніемъ этихъ согласныхъ, а именно передъ смягченными согласными являлось закрытое ɛ, передъ твердыми ɛ открытое: вы́лɛс (вылѣзъ) съ открытымъ ɛ, ка́мɛн' съ закрытымъ ɛ. Что до ɑ, то оно въ положеніи за смягченными согласными переходило, вѣроятно, въ ɛ: ве́сɛл, де́вɛт', а послѣ твердыхъ согласныхъ, повидимому, произносилось съ закрытымъ оттѣнкомъ: го́рɑд, во́лɑс (ср. въ ельнинскихъ говорахъ постоянное *ы* въ такихъ случаяхъ). Слогъ, слѣдующій за удареніемъ, конечный открытый имѣлъ различные оттѣнки въ гласныхъ неполнаго образованія, сообразно съ ихъ происхожденіемъ: такъ, повидимому, ɑ являлось съ открытымъ оттѣнкомъ, ɛ изъ ɑ послѣ смягченной согласной было также открыто, но ɛ изъ *ъ* произносилось закрыто: сла́вɑ, си́лɑ, по́лɛ, во́лɛ съ открытыми ɑ, ɛ; славɛ, волɛ (дат., мѣс. ед.), полɛ (мѣс. ед.) съ закрытымъ ɛ. Если за удареніемъ слѣдовало два слога, ближайшій къ нему ослаблялъ свою гласную до степени гласной неполнаго образованія; вслѣдствіе этого слѣдующій слогъ сохранялъ гласную полнаго образованія: ср. сохраненіе гласной полнаго образованія въ слогѣ передъ удареніемъ, если этому слогу предшествовалъ другой слогъ; но при этомъ гласныя *о* и *е* измѣнялись въ *а* въ силу того же закона, по которому въ слогѣ передъ удареніемъ *а* полнаго образованія замѣняло гласныя *о*, *е*, т. е. въ силу того, что возникавшая, вслѣдствіе общаго закона о неударяемыхъ слогахъ, гласная неполнаго образованія (изъ *а*, *о*, *е*) переходила въ гласную полнаго образованія (*а*), подъ вліяніемъ встрѣчи съ гласною неполнаго образованія въ предшествующемъ слогѣ. Такъ явилось произно-

шеніе: во́рана, до́браγа, мо́ладяц, в го́радя, ты́сєча, вы́нєсла, че́твєра, о́чєрядь, на́ лашадь (но ло́шадь), рабо́таять (но бу́дєть). Чередованіе в го́радя, ста́ростя, на во́лося и т. д. съ на заво́ди, капу́сти, в лѣ́си и т. д., предполагаемое для древней эпохи языка, вполнѣ удовлетворительно объясняетъ чередованіе звуковъ *и* и *а* въ подобныхъ словахъ въ современныхъ южновеликорусскихъ говорахъ; равнымъ образомъ чередованіе сла́вα, воро́нα, до́мα съ ста́раста, го́рада, че́твєра объясняетъ колебаніе между α и *а* въ современномъ произношеніи. Кромѣ того появленіе діалект. бу́дять, ка́мянь, де́вять объясняется существованіемъ произношенія, какъ ра́дуять, се́мдєсять и т. п., въ древнѣйшую эпоху жизни акающихъ говоровъ.

V. Въ энклитикахъ и словахъ не имѣющихъ самостоятельнаго ударенія мы находимъ въ мосальскихъ говорахъ обыкновенно: *ы* послѣ твердыхъ согласныхъ, *и* послѣ мягкихъ, ср. ды и дяло́ў мно́γа, пы ржи; ит Перенѣ́жья имѣетъ *и* изъ α въ началѣ слова. Рѣже является а̀: ха̀ч, не́ за̀м (вм. не замай) при не́ зым (почему даже ня зы́м). Вмѣсто хоть обыкновенно находимъ хуть, при чемъ *у* вм. *о* указываетъ на лабіализированное произношеніе задненёбнаго *х:* хуть бѣгай, хуть ни бѣгай; также хуч, хуш: хуч прибѣх, хуш да сме́рти. Въ ужу вм. уже видимъ ассимиляцію гласной неполнаго образованія звуку *у* въ предшествующемъ слогѣ: тапе́рь ужу позна; с ты́м я ужу де́сять гадо́ў не жыву́; и хлѣба узя́л ужу у яго́; нѣ́т ужу. Вмѣсто обыкновеннаго ищо иногда слышится що: ён що как с но́чи ўстал; вм. коло — кол: кол сабо́ру.

О гласныхъ *о, а, е* подъ удареніемъ.

Звукъ *а* подъ удареніемъ произносится въ мосальскихъ говорахъ такъ же, какъ въ московскомъ и другихъ великорусскихъ говорахъ. Въ положеніи послѣ твердыхъ

согласныхъ замѣтно измѣненіе его въ направленіи къ *о* передъ неслоговымъ *у*: прибóў вм. прибаў, а это изъ прибавь. Появленіе звука ă и *е*, несмягчающихъ предшествующей согласной, въ словахъ, какъ да! (вм. да въ нехотномъ, тихомъ отвѣтѣ) или тэк! (вм. такъ), аналогично съ измѣненіемъ гласной *а* въ звуки неполнаго образованія въ слогахъ неударяемыхъ. Звукъ ъ вм. *а* въ ня зы́м заимствованъ также изъ неударяемыхъ слоговъ, о чемъ см. выше.—Въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ *а* сохраняетъ свой звукъ только передъ твердыми согласными: м'áса, пл'áску, в'ас (вязъ) и т. д.; передъ смягченными согласными, а также передъ гласными *и*, *ы* неслоговымъ (й), равно какъ передъ *j* звукъ *а*, измѣняясь въ направленіи къ гласнымъ нѣбнымъ, переходитъ обыкновенно въ *е* закрытое (е¹): γанéть, апéть, седь, γрезь, зеть, чей, нéнька, дедюшка, γлéдя, γлéдючи, éйцы, взéли, стаéли, стучéли, поздравлéють, полинéють, пуправлéють, хазéином, патиréицца, шлéисся, управлéющій и др. Этотъ переходъ *а* въ е¹ я слышалъ преимущественно въ югозападной части уѣзда, а также въ прилегающихъ мѣстностяхъ Жиздринскаго у. Ср. ельнинск. дрень 239, 598, 639 (но дрянь 685), тресца 506 и еще нѣсколько случаевъ, совершенно впрочемъ единичныхъ. Вмѣсто е¹ въ положеніи послѣ губныхъ мнѣ встрѣтился нѣсколько разъ звукъ ă, т. е. очень открытое *е*: пăть, спăть, причемъ *п* произносится мягко. Измѣненіе *а* въ ă, е¹ при указанныхъ условіяхъ, не чуждое и другихъ южновеликорусскихъ говоровъ, напр. по наблюденіямъ Е. Ѳ. Будде, касимовскихъ рязанской губерніи, надо понимать какъ результатъ ассимиляціи *а* предшествующимъ и послѣдующимъ слогамъ. Весьма вѣроятно, что въ нѣкоторыхъ говорахъ произношеніе *а* передъ твердыми согласными болѣе или менѣе отличается отъ *а* передъ мягкими согласными: ср. различныя *а* въ моск. дан' и дан, ради и рады; передъ мягкими согласными является нѣбный оттѣнокъ звука *а*, подобно тому какъ звукъ *е* произносится съ бóльшею нѣбностью, болѣе закрыто передъ мягкими,

чѣмъ передъ твердыми согласными. Этотъ нѣбный оттѣнокъ *а*, въ положеніи *послѣ* смягченныхъ согласныхъ, еще болѣе приближался къ нѣбнымъ звукамъ и переходилъ такимъ образомъ въ ä, откуда, подъ вліяніемъ слѣдующей смягченной согласной, е[1].

Такимъ образомъ въ судьбѣ ударяемаго *а* мы находимъ полное основаніе думать, что не только слѣдующія за гласными смягченныя согласныя, но и предшествующія имъ, могли ассимилировать себѣ гласный звукъ: ср. измѣненіе гласной неполнаго образованія ɑ̈ въ ɛ подъ вліяніемъ именно предшествующей согласной (взела́, несу́, село́ и т. п.).

Рядомъ съ ударяемымъ *а*, восходящимъ этимологически къ древнему *ѧ*, мы находимъ въ нерѣдкихъ случаяхъ звукъ *а* новаго происхожденія на мѣстѣ ударяемаго *о* подъ вліяніемъ той или другой аналогіи, вызванной чередованіемъ звуковъ *о*, *а* подъ удареніемъ съ звукомъ *а* въ неударяемыхъ слогахъ. При этомъ надо различать появленіе *а* вслѣдствіе переноса (подъ вліяніемъ аналогіи) ударенія на ɑ или *а* и появленіе *а* вмѣсто ударяемаго *о*. Къ случаямъ перваго рода относятся: ника́ли вм. никали́; переносъ вызванъ, повидимому, чередованіемъ нико́га, ничо́га, нико́му и т. д. съ никаго́, никаму́; вмѣсто пагади́ нерѣдко можно услышать па́гади́ и даже па́гади́ съ второстепеннымъ удареніемъ на первомъ слогѣ, вызваннымъ особеннымъ (усиленнымъ) удареніемъ на этомъ слогѣ; второстепенное удареніе потребовало появленія *а* полнаго образованія вм. ä; аналогично *а* въ на́ушта вмѣсто неу́ж-то. Къ случаямъ второго рода принадлежатъ, напримѣръ, сѣда́к, ходя́к вм. сѣдо́к, ходо́к: сѣдака́ вызвало при себѣ имен. ед. сѣда́к подобно тому, какъ при дурака́ существовало дура́к, при пошляка́—пошля́к; *а* вм. *о* проникло и въ сѣда́чка женск. р. отъ сѣда́к; ла́вить, ла́вють явились при лавлю́ подъ вліяніемъ того, что напр. при тащу́, плачу́, валю́, давлю́ существовали та́щишь, пла́тимъ, ва́лить, да́вють и т. д. (ср. обратно пло́тишь, со́дють и т. п. подъ вліяніемъ ло́вить, но́симъ): вопросъ,

почему именно глаголъ ловить подвергся указанной аналогіи неясенъ: можно было бы ожидать того же при глаголахъ носи́ть, води́ть; всего вѣроятнѣе предположить ближайшее вліяніе на него глаголовъ дави́ть, трави́ть. Вмѣсто до́ста я слышалъ иногда да́ста (человѣкъ да́ста): подобно тому какъ при на двух̀ъ, на однаґо́ и т. п. существовало на́сто, такъ точно да двух̀ъ, да однаґо́ вызвало появленіе да́ста. Въ ґа́лья, ґа́ллей вм. ґо́лья, ґо́лье удареніе перенесено подъ вліяніемъ словъ, какъ коло́сья, воло́сья, но почему при переносѣ явилось *а*, а не *о* подъ указаннымъ вліяніемъ, неясно: ср. ґа́ль, ґа́лю (такъ звучитъ род. п.) при во́лас, во́ласу; такое же *а* видимъ и въ ґа́ликов (уменьш. ґа́лик вм. уголёк, ср. воло́сик). Въ запрёх видимъ общее многимъ русскимъ говорамъ явленіе: нёс, увёз, запёк, навёл вызвали прибёг, запрёг и т. д.; изъ формъ какъ запрёг звукъ *о* проникъ и въ упрёшка при и вм. упряжка. Непроґлёдныи вм. непроглядные, вѣроятно, надо сопоставлять съ *е* въ ґлёдя, ґлёдючи, разґлёдила; вообще глядѣть замѣнено съ переносомъ удареніа (неяснымъ по происхожденію) черезъ ґлёдить и это отразилось на появленіи ё вм. *я* передъ твердой согласной въ указанномъ словѣ; ср. ельнинск. ни разглѣдили Добров. 516.

Звукъ *о* извѣстенъ не только съ открытымъ (o^2), но и съ закрытымъ оттѣнкомъ (o^1). Открытое *о* — это обыкновенное и господствующее произношеніе, закрытое *о* мы встрѣчаемъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ при условіяхъ, которыя я не сумѣлъ опредѣлить точнымъ образомъ. Такъ я отмѣтилъ o^1 передъ губными: сло́¹пал, передъ заднебными: мно́¹ґа, wо́¹как, пло¹х, широ́¹к; въ этихъ случаяхъ, а въ особенности въ положеніи звука *о* передъ w (губно-зубнымъ *в*) и ў (неслоговымъ *у*), возможно объяснять o^1 вм. o^2 вліяніемъ слѣдующей согласной, ассимиляціею звука *о* лабіализованному звуку (предполагая, что губныя и задненёбныя произносятся или произносились съ лабіализаціей): ср. каро́¹wa, низаро́¹wa, бисталко́¹wая, любо́¹ў, мужико́¹ў, дало́¹ўки, дало́¹ў, Праско́¹ўя. Вмѣсто

дуброву я слышалъ дубро́¹ў, а вм. торговля — торго́¹ля, т. е. о¹ замѣнило о² + w; ср. также мужико́¹ вм. мужико́ў. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ о¹ вм. о² встрѣчается и помимо указанныхъ условій; такъ передъ согласными *ч* (смягченнымъ) и *ш:* про¹ч', варо́¹ч'аешься, харо́¹ш; такъ даже передъ смягченными зубными, во всякомъ случаѣ не склонными къ лабіализаціи: јо¹с' (есть), но́¹сит', во́¹дит'. Не рѣшаюсь высказать какого либо предположенія насчетъ происхожденія о¹ въ подобныхъ словахъ, но замѣчу, что подобное же произношеніе извѣстно и въ другихъ южновеликорусскихъ говорахъ (напр. воронежской губерніи). Слѣдуетъ замѣтить, что вообще звукъ *о* между смягченными согласными произносится отчетливо, не такъ, какъ во многихъ другихъ русскихъ говорахъ, гдѣ вмѣсто *о* въ тётя слышится ӧ открытое: јось, ид'оть; но на западѣ Мосальскаго уѣзда мною отмѣчены съ ӧ открытымъ: јӧсь, пјӧть (пьетъ), т'ӧтя, Силь к'ӧвичи (вмѣсто Сильковичи) вм. чего даже Силькé¹вичи. О чередованіи *о* послѣ смягченныхъ согласныхъ съ е² (*е* открытымъ) я скажу ниже. Ударяемое *о*, кромѣ первоначальнаго *о*, восходитъ еще въ нѣсколькихъ случаяхъ къ первоначальному *а: о* замѣнило *а* не фонетически, а подъ вліяніемъ аналогіи; сюда относится *о* въ формахъ им. мн. ж. р. какъ ко́ланчи, сто́ршины, вин. ед. какъ ко́зну; это *о* очевидно возникло подъ вліяніемъ *о* въ во́ды, го́лову, но́гу и т. д., ср. неударяемое *а*, а въ вада́, галава́ и въ ка-ланча́, старшина́; точно также объясняется *о* въ спряженіи наст. вр. со́дим, со́дють, то́щить, пло́тить, бро́ницца; *о* вм. *а* подъ вліяніемъ но́сим, во́дють, го́нится, при чемъ *а* въ сажу́, тащу́, браню́сь было сближено съ *а* въ нашу́, гану́сь и т. д. Аналогично появленіе *о* вм. *е* въ зацо́пицца при 1 л. ед. зацаплю́сь.

Звукъ *е* подъ удареніемъ, какъ вообще въ великорусскихъ говорахъ, произносится открыто въ открытомъ концѣ словъ и въ положеніи передъ твердыми согласными, закрыто въ положеніи передъ смягченными согласными и гласными *е*, *и* (слоговымъ и неслоговымъ). Ср. е²

въ случаяхъ какъ с'е²тка, м'е²сто, ст'е²рва (*р* твердо), це²рковь, к вече²рни (*р* твердо), тре²плють, хле²бня, де-ре²мня, се²м (*м* твердо), не²γди, але²хчіить, пре²жди, абъје²шшикоў, у паме²шшика, он умари́лся ше²тши и т. д.; е¹ въ се¹р'п, сте¹р'ва, две¹р'ка (*р* мягко), вече¹р'ню, паде¹н'щину, сире¹бриная, зде¹ш'ній (но обыкновенно зде²шній) и т. д. Закрытое *е* передъ твердой согласной я слышалъ въ междометіи эхъ.

Нерѣдко находимъ е² вм. *о* другихъ говоровъ; такъ нерѣдко въ положеніи передъ *ж* и *ш*: де́шево, лепе́шка, лепе́шечку, γалаве́шку, далбе́шкой, ляжыть ле́жма, креме́шкам, аде́жа; сюда же относится *е* въ окончаніи 2 л. ед. ч.: иде́ш, пайде́ш, несе́ш; рядомъ встрѣчается и произношеніе лепёшку (подъ вліяніемъ ляпёха?); тве́рже не твёрже объясняется тѣмъ, что въ ту эпоху, когда дѣйствовалъ законъ объ измѣненіи е² въ *о* послѣ мягкихъ согласныхъ, *р* въ этомъ словѣ было мягко, почему подъ удареніемъ находилось е¹, а не е²; мягкость же *р* обусловливалась мягкостью *ж*; очевидно *ж*, *ш* во многихъ говорахъ не успѣли отвердѣть къ тому времени, когда закончился переходъ е² въ *о* (черезъ посредство ö). Рядомъ съ тёща говорятъ и те́ща: *щ* очевидно было мягко въ эпоху измѣненія е² въ ö; поэтому ё въ тёща, вѣроятно, надо объяснять не фонетически, а, можетъ быть, вліяніемъ словъ тётка, тётя. Въ ме́рзнуть (моск. мёрзнуть) *р* несомнѣнно было нѣкогда мягко, при чемъ мягкость его, вѣроятно, заимствована изъ формъ какъ мерьзнеть, мерьзни; тоже должно сказать объ *н* въ дереве́нскымъ, ячме́нцу, ср. діалект. деревеньской. Слова ве́ткая (вм. ветхая), висколе́тно (высоколётно) имѣютъ *е*, вѣроятно, въ качествѣ словъ или образованій, заимствованныхъ изъ церковнаго языка; то же должно сказать о словахъ дре́во, дре́вца вм. дерево, деревца; упрет (впредь) вм. русской формы вперёдъ; каzéнный также носитъ на себѣ книжный отпечатокъ. Неясно происхожденіе е² въ але́²ка: такое произношеніе очень распространено въ мо-

сальскомъ уѣздѣ. О звукѣ *е*, несмягчающемъ предшествующей согласной, будетъ сказано ниже.

О звукахъ *ы, е (э), і*, соотвѣтствующихъ звуку *о, е* другихъ говоровъ.

Въ цѣломъ рядѣ случаевъ въ положеніи какъ въ ударяемыхъ, такъ и въ неударяемыхъ слогахъ, мы найдемъ звуки *ъı, э, і* тамъ, гдѣ могли бы ожидать въ мосальскихъ говорахъ *а, о, е*, въ соотвѣтствіи звукамъ *о, е* другихъ русскихъ говоровъ. При этомъ слѣдуетъ различать двѣ категоріи случаевъ: *ъı, і* въ положеніи послѣ *р, л*; *ъı, і, э* въ дифтонгическихъ сочетаніяхъ, соотвѣтствующихъ древнимъ *ъй, ій*, а также въ положеніи передъ іотированными гласными.

1. Въ виду указанныхъ выше законовъ о чередованіи неударяемыхъ звуковъ, мы ожидали бы въ соотвѣтствіи съ московск. дражит, накраши (дрожитъ, накроши) мосальск. дражи́ть, накраши. Между тѣмъ мы находимъ дрыжить, накрыши; *ы* въ такомъ положеніи, какъ показано выше, не можетъ восходить къ первонач. *а, о* и должно быть поэтому возводимо къ древнему *ъı*. Сравнительное изученіе русскихъ нарѣчій приводитъ къ убѣжденію, что звукъ *ъ* въ положеніи послѣ *р, л*, если въ слѣдующемъ слогѣ находилась гласная полнаго образованія (не *ъ, ь*), стремился исчезнуть изъ произношенія, выпасть: то же замѣчалось вообще въ положеніи *ъ, ѣ* между всякими согласными при указанномъ условіи, а именно при присутствіи гласнаго полнаго образованія въ слѣдующемъ слогѣ: вотъ почему мы при тсти, дска, Тсна, Дбрянскъ (изъ тъсти, дъска, Тъсна, Дьбрянскъ) ожидали бы крви́, кршить, брве́й, дрва́ и т. д. (изъ кръви́, кръшити, бръвий, дръва). Такое произношеніе и существовало въ нѣкоторыхъ древнерусскихъ говорахъ, какъ свидѣтельствуютъ написанія памятниковъ **крви** и даже **кви**, но въ большинствѣ говоровъ *ъ* и *ь* переходили въ слоговые

звуки, а именно изъ неслоговыхъ становились слоговыми. Эти слоговыя *ъ* и *ь* въ однихъ говорахъ переходили въ *о* и *е*, подобно прочимъ слоговымъ *ъ* и *ь*, а въ другихъ сохраняли свое произношеніе, измѣняясь съ теченіемъ времени въ *ъг* и въ *и*; можетъ быть, впрочемъ правильнѣе допустить общій для тѣхъ и другихъ говоровъ переходъ такихъ *ъ* и *ь* въ *ъг* и *и* съ особымъ характеромъ, отличавшимъ ихъ отъ звуковъ *ъг* и *и* другого происхожденія, а именно, вѣроятно, въ *ъг* и *и* открытыя; эти звуки въ однихъ говорахъ измѣнялись затѣмъ въ *о* и *е*, а въ другихъ сохранялись безъ измѣненія. Къ говорамъ, сохранившимъ такія *ъг* и *и*, относятся не только малорусскіе и бѣлорусскіе, но и рядъ великорусскихъ говоровъ; пока указаны среди послѣднихъ только нѣкоторые южновеликорусскіе говоры и при томъ западные, сосѣдніе съ бѣлорусскими; но весьма возможно, что будущіе изслѣдователи нападутъ на слѣды подобныхъ говоровъ и въ сѣверно-великорусской семьѣ. Выше я приводилъ примѣры такихъ *ръг*, *ри*, *лъг*, *ли* изъ славянскихъ говоровъ; въ мосальскомъ уѣздѣ я отмѣтилъ: дрыжи́ть, накрыши́, накрыши́ла; подъ удареніемъ находимъ такое же *ъг*, заимствованное изъ формъ неударяемыхъ: опкры́шуть (обкрошатъ), кры́шить (крошитъ); рожь склы́чилась (спуталась, склочилась) указываетъ также на клычи́ть.

2. Если дѣйствительно *ъг*, *и* въ дрыжать, гримѣть, *о*, *е* въ дрожать, гремѣть восходятъ къ особаго рода *ъг*, *и*, то это были тѣ же самые звуки, которые еще въ общерусскомъ языкѣ слышались въ положеніи передъ неслоговымъ *і*; а именно, въ дифтонгахъ ы, іи звуки *ъг*, *і* звучали иначе, чѣмъ въ другомъ положеніи: они были открыты, тогда какъ вообще языкъ получилъ закрытыя *ъ*, *і*; можетъ быть, эта открытость была слѣдствіемъ извѣстнаго рода диссимиляціи между первой и второй частью дифтонга; такое предположеніе объясняло бы различное произношеніе звуковъ *ъг*, *і* тожественныхъ по происхожденію; напр. въ мы́ю, би́ю — *ъ*, *и* въ общерусскомъ языкѣ произносились иначе, чѣмъ въ мы́ти, би́ти. Откры-

тость *ы*, *і* стояла въ связи съ ихъ краткостью: звуки эти въ положеніи передъ неслоговымъ *і* были короче, чѣмъ въ другихъ случаяхъ, и, повидимому, были очень близки къ *ъ* и *ь*, отнюдь впрочемъ не совпадая съ ними по звуку. Вотъ почему, въ эпоху исчезновенія *ъ* и *ь* изъ произношенія, при одинаковыхъ съ ними условіяхъ исчезали *ы* и *і*: ср. появленіе по́бју, по́мју вм. поби́ю, помы́ю съ переходомъ посѣлешь, засѣнеть, възьмешь въ по́слешь, за́снет, во́змеш. По той же причинѣ *ы* и *і* такого происхожденія стремились въ нѣкоторыхъ говорахъ перейти въ гласныя еще болѣе открытыя, близкія къ *о* и *е*, а наконецъ и въ эти звуки. Такой переходъ, повидимому, совершенно чуждъ малорусскому нарѣчію [1]. Въ великорусскихъ говорахъ обыкновенно найдемъ вм. *ы*, *і* въ такомъ положеніи *о*, *е*; но въ нѣкоторыхъ говорахъ сохраняются неударяемыя *ы*, *і*; въ другихъ говорахъ, впрочемъ весьма рѣдкихъ, сохраняются *ы* и *і* даже подъ удареніемъ; наконецъ есть говоры, также немногочисленные, гдѣ *ы* замѣняется звукомъ *е*, несмягчающимъ предшествующей согласной; ср. бѣлорусскіе говоры, гдѣ, рядомъ съ обычнымъ сохраненіемъ *ы*, *і*, видимъ переходъ *ы* въ *э*. Къ великорусскимъ говорамъ, замѣнившимъ всякія *ы*, *і* открытыя черезъ *о*, *е*, относится большинство великорусскихъ говоровъ, ср. московск. мо́ю, вей, обайти́сь, вологодск. ста́рой, си́ней и т. д. Къ говорамъ, сохраняющимъ неударяемыя *ы*, *і*, слѣдуетъ, думаю, отнести нѣкоторые сѣверновеликорусскіе говоры, гдѣ, по указанію изслѣдователей, им. ед. именъ прилагательныхъ не подъ удареніемъ звучитъ *-ый*, *-ій*, тогда какъ подъ удареніемъ является *-ой*, *-ей*; однимъ изъ признаковъ дѣйствительнаго существованія *ый*, *ій* въ этомъ окончаніи можно признать

---

[1]) Появленіе *е* въ окончаніяхъ им. ед. (соловей) и род. мн. (гусей) въ малор. нар. вм. ожидаемаго *и* не имѣетъ ничего общаго съ фонетическимъ измѣненіемъ дифтонга *ий*; *ей* непосредственно изъ *ъй*, при чемъ *ъ* замѣнило *и* подъ вліяніемъ формъ склоненія этихъ словъ (соловья́, гусьмъ).

произношеніе прилагательныхъ съ звуками *к, г, х* передъ падежными ихъ окончаніями; я хорошо слышалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Петрозаводскаго уѣзда: деревеньскій, руській, земьскій, воскресеньскій, Красногорьскій, розбоньскій, торгоській, крещеньскій, Космозерьскій; *-кій* ясно указываетъ на первоначальное *-кый* и на то, что *ій* и *ый* не замѣнены черезъ *ей, ой*. Къ говорамъ, гдѣ сохраняется *ы* и *і* даже подъ удареніемъ, принадлежатъ, между прочимъ, мосальскіе и ельнинскіе говоры (ср. ниже). Наконецъ, говоры съ *э* вм. *ъ* мы найдемъ не только въ южно-великорусской семьѣ, ср. жиздр. (югозападная часть уѣзда, волости Милѣевская и Теребенская) мэ́ю, крэ́ю, но также въ сѣверно-великорусской, какъ видно изъ сообщеній, полученныхъ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности; такъ въ Вытегорскомъ уѣздѣ (въ южной части его) указываютъ на произношеніе худэ́й, прѣснэ́й, грязнэ́й, до́брэй, цѣлэй, ти́хэй (ср. сообщеніе г. Филимонова, отвѣтъ на программу № 22); такъ въ южной части Петрозаводскаго уѣзда: молодэ́й, золотэ́й, другэ́й, си́льнэй (сообщеніе г. Георгіевскаго № 30). Мосальскіе и ельнинскіе говоры представляютъ значительное разнообразіе по отношенію къ изслѣдуемому явленію. Мы найдемъ здѣсь вм. ударяемаго *ый — ой*, но рядомъ также видимъ сохраненіе *ы* и замѣну его черезъ *э*. Приведу сначала факты, а потомъ попытаюсь разобраться во всѣхъ этихъ сложныхъ отношеніяхъ.

Въ ельнинскихъ говорахъ видимъ *ъ, і*, какъ подъ удареніемъ, такъ и въ неударяемыхъ слогахъ; такъ подъ удареніемъ находимъ: выю Добров. 92, выить 111, выють 505, вый П, 320; мы́йся 504, памы́ю 516, мыють 216, мыить 195, П 100, змый 176, умыюся 204, памыитца 173; пакрый 85, аткрый 175, ускрыйтя П, 208; ня пій П, 100; шію 513, 659, 495, па шіи 347, шы́ю 81, 227, 685, на шыи 297, шыйки 221, шіить (шьетъ) 195, пашімъ (пашьемъ) 684, шій 687; не подъ удареніемъ: узыйди́ть (взойди) 254, сыйди́тя 170, сыйшло́сь 205, падыйшоў 239, 374, сыйшоў 686, абыйска́ть 477, разый-

шоўся 656, падыйтить 402, атыйшоў 435, разыйшлúсь 468, абыйшоў 399, сыйграть 401, абыйщý 348 [1]).

Исключеній изъ этого общаго правила почти нѣтъ; *ой* вм. *ый*, *ей* вм. *ий* въ подобныхъ случаяхъ, гдѣ мы ихъ находимъ, должно объяснять или опечатками, или же естественнымъ вліяніемъ литературнаго говора, господствующаго нарѣчія — московскаго: ср. воить 111, роитъ 659, рукамóйникъ 702, пей 81, на шеи 296, за шею 658. Иначе слѣдуетъ объяснять *ай* вм. неударяемаго *ый* въ случаяхъ какъ абайщи 347, абайдéшъ 404, абайди 475: рядомъ съ отыити, обыискати издавна были извѣстны образованія какъ отъити, объискати, гдѣ з (а за тѣмъ *о*) сохранялись подъ вліяніемъ произношенія, какъ отъдвигати (отодвигать), отъслати (отослати) и т. д.

Что касается именъ прилагательныхъ, то обыкновенными окончаніями им. вин. ед. м. р. оказываются подъ удареніемъ *ой* и *эй:* той 240, скупой 690, пустой 689, прастой 641, сухой 506, залатой 443, кривой 401, плахой 400, якой 305, такой 295, сядой 189, бальшой 162, 558, живой 126, чисавой 123 и др.; — тэй 84, 95, лисавэ́й 88, 94, маладэ́й 106, святэ́й 168, чужэй 125, бальшей 106, бальнэй 172, палявэ́й 217, валасянэ́й 629, другей 79, такей 95, сухей 244, дарагей 477, глухей 679, такей-сякей II, 206 и т. д. Окончаніе *ый* является гораздо рѣже: прастúй 127. — Напротивъ не подъ удареніемъ находимъ обыкновенно *ый, ий:* мёртвый, лѣвый, дóбрый, стáрый, строгій 98, доўгій II, 37, вялúкій 682, ўсякій 221, гасподскій 107, третьій 512, 655 и т. д.

Въ окончаніи им. вин. мн. числа именъ прилагательныхъ *ы, і*, какъ извѣстно, въ великорусскихъ говорахъ не подвергаются измѣненію: худые, худыи, глухіе

---

[1]) Вм. *ый* нерѣдко *ы*, можетъ быть, вслѣдствіе стяженія: узымитя 679, атышла 374, выдуть 254, сыдúтя 173, падышолъ 122, падышли 83, сымаить 433, разыми 288 и др.; ср. род. мн. коня 251, 290 при и вм. коній 290, которое фонетически вм. кóней.

въ моск. и др. говорахъ не перешли въ худо́и и т. д., вѣроятно, частью подъ вліяніемъ окончанія ъ въ краткомъ склоненіи прилагательн. (худы), а частью также вслѣдствіе ассимилирующаго дѣйствія окончаній прочихъ падежей множ. ч. (худыхъ, худымъ, худыми). Въ ельнинскихъ (а также нѣкоторыхъ другихъ великорусскихъ) говорахъ ъ, і и въ этомъ окончаніи подвергаются измѣненію, а именно переходятъ въ э, е: ср. годы худэя 646, маладэ́я, халасте́я 554, адны чисавэя 516, на другея сутки 514, звѣри злэя 496, вяликыя халады́ и люте́я марозы 492, какея ты знаишъ мастирства 492, кравати тисавэя, пярины пухавэя, адіялы шаўкавэя 434, бальшея лясы 403, закупнэя абѣдни 373, никакея дяды́ 341, сухея мѣста 240, арѣхи зимлянэя 221, сирца лихе́я 204, гнилэя калоды 176 и т. д. Но въ неударяемыхъ слогахъ находимъ ъ, і.

Въ мосальскихъ говорахъ точно также видимъ ъ, і въ ударяемыхъ и неударяемыхъ слогахъ. Подъ удареніемъ: пій, накрый, накрыить, памый, закрый, пакрый, укрый Господи!, умыецца, умыйся, памый руки, аткры́ю, мыю, умыить, умыйтя, пакрыйтесь, не рыйся (не видайся), рыить, разрый; шыю (вм. шею), вакрух піи (ш твердо), шый (повел. накл.), шыить (шьетъ), из хама не сшыишь пана и т. д. Безъ ударенія: падыйшли́, сыйшо́лся, сыйшли́ся, сыйде́ш, сыйде́ть, обыйди́ться, разыйдецца, повзыйшла́ (повзошла) и мн. друг. Слѣдуетъ замѣтить, что произношеніе лей, пей, пабей и т. д., гдѣ ей вм. ій, довольно обычно и что рядомъ съ нимъ можно услышать отъ того же лица: крый, мый и т. д.

Обыкновеннымъ окончаніемъ им. вин. п. именъ прилагательн. является подъ удареніемъ -о́й, а безъ ударенія -ый, -ій: γало́й (голый), талсто́й, тако́й, друγо́й, но ста́рый, мядвѣ́дій (медвѣжій) и т. д. Подъ удареніемъ я не встрѣтилъ ни окончанія -ъй, ни -эй, столь обычныхъ въ ельнинскихъ говорахъ. Равнымъ образомъ мнѣ не пришлось слышать окончанія -эи вм. ыи въ именахъ прилагательныхъ въ формѣ им. мн., хотя γарацкэ́х свадьб, вѣроятно,

указываетъ на им. мн. ґарадкэ́и. Слѣдуетъ замѣтить, что *ыи* въ им. мн. не только не замѣнено окончаніемъ *эи*, но и само вытѣсняетъ окончаніе *ии* (въ мягкихъ основахъ) того же падежа: вм. такíи, плахíи и т. д. находимъ такы́и, друґы́и, плахы́и, марскы́и, какы́и и даже внѣ ударенія: ґаспо́цкыи, деся́цкыи; изъ им. пад. *ы* проникло и въ другіе падежи того же числа: таки́хъ, каки́хъ, друґы́хъ, попоўскыхъ, завоцкыхъ, деревенскыи и т. д. Им. ед. п. послѣ гортанныхъ имѣетъ внѣ ударенія *ай*, не *ии*: стро́гай, дереве́нскай, дёхкай и т. д.

Изслѣдуя все разнообразіе явленій, сопровождающихъ исторію звуковъ *ы*, *і* передъ неслоговымъ *і* въ ельнинскихъ и мосальскихъ говорахъ, врядъ ли мы можемъ надѣяться разобраться въ нихъ, не предположивъ, что имѣемъ дѣло не только съ фонетическими явленіями, но также съ явленіями звуковой аналогіи. Звукъ *ы*, какъ мы видѣли, можетъ сохраняться въ такомъ положеніи (ельнинск. и мосальск. мый), можетъ замѣняться звукомъ *э* (ельнинск. худэй) и звукомъ *о* (ельнинск. и мосальск. плахо́й); звукъ *і* частью сохраняется (ельнинск. и мосальск. пій), частью переходитъ въ *е* (ельнинск. и мосальск. пей). Я думаю, что фонетическимъ явленіемъ можно признать только одинъ изъ трехъ видовъ, въ которомъ находимъ напр. звукъ *ы*: такимъ явленіемъ можно считать или сохраненіе его безъ измѣненія, или переходъ его въ *э*, или наконецъ переходъ въ *о*. Мнѣ представляется наиболѣе вѣроятнымъ предположить, что фонетическимъ явленіемъ былъ именно переходъ *ы* въ *э*, а что сохраненіе его безъ измѣненія и замѣна черезъ *о*—это явленія аналогіи, при чемъ *ы* и *о* замѣнили фонетическое *э*. Дѣйствительно, никакое предположеніе аналогіи не можетъ объяснить появленіе *э* въ бальнэ́й, маладэ́й, маладэ́я ельнинскихъ говоровъ; напротивъ *ы* въ мы́ю, крый ельнинскихъ и мосальскихъ говоровъ можно выводить изъ формы неопред. наклоненія мыть, крыть; *о* въ прасто́й, плахо́й изъ формъ прасто́ґо, плахо́му и т. д. Кромѣ того предположеніе фонетическаго измѣненія *ы* въ *э* найдетъ

подтвержденіе въ формахъ какъ мэ́ю вм. мо́ю другихъ нарѣчій — Ржев. (прогр. II Отд. Ак. Н.) и Жиздр.; что мэю восходитъ къ мыю фонетически, врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію. Укажу еще на то, что *э* надо необходимо возводить именно къ звуку *ѣ:* маладэй нельзя возводить къ маладой, какъ это ясно изъ формы им. мн. маладэ́я вм. маладые.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній я думаю, что въ извѣстную эпоху жизни нѣкоторыхъ русскихъ нарѣчій *ѣ*, въ положеніи передъ неслоговымъ *і*, измѣнялось въ *э;* если принять во вниманіе, что въ другихъ нарѣчіяхъ тотъ же звукъ при томъ же положеніи переходилъ въ *о* (ср. моск. и др.), слѣдуетъ допустить возможность предположенія, что *ѣ* во всѣхъ великорусскихъ говорахъ не перешло непосредственно ни въ *э* и ни въ *о*, а въ звукъ средній между обоими этими звуками, въ ӧ открытое, откуда въ однихъ говорахъ *о*, а въ другихъ ӧ закрытое и *э*. Обращаясь къ говорамъ, гдѣ ӧ открытое измѣнилось въ *э* (т. е. звукъ e^1, несмягчающій предшествующей согласной), видимъ, что съ теченіемъ времени этотъ звукъ все болѣе уступалъ мѣсто другимъ звукамъ, а именно звукамъ *ѣ* и звукамъ *о*. Въ спряженіи глаголовъ какъ рыю, мыю, выю, крыю, ныю и т. д. основа настоящаго времени, гдѣ *ѣ* измѣнилось въ *э*, заимствовала *ѣ* изъ основы неопредѣленнаго наклоненія: ельнинск. и мосальск. мыю, крыить, рый и т. д. замѣнили болѣе древнія формы мэю, крэю, рэю, которыя до сихъ поръ живы, напр. въ нѣкоторыхъ говорахъ Жиздринскаго уѣзда; мыю вм. мэю при мыть, ср. знаю при знать, дую при дуть, имѣю при имѣть. Въ склоненіи прилагательныхъ *эй* измѣнялось въ *ой* подъ вліяніемъ формъ падежей на *ого, ому, омъ:* прастой вм. прастэй подъ вліяніемъ прастоγо, прастомъ; но прастэй сохраняется во многихъ говорахъ. Повидимому, *ѣ* переходило въ *э* не только въ ударяемыхъ слогахъ: допустивъ общій переходъ *ѣ* черезъ посредство открытаго ӧ въ *э*, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ думать, что въ неударяемыхъ слогахъ *э* измѣнялось въ *ѣ* въ силу тѣхъ

же причинъ, почему такому же измѣненію подверглись звуки *а*, *о* безъ ударенія: добрый является фонетически вм. до́брэй; ср. еще мосальск. узэйде́ть. Въ формѣ им. вин. мн. ч. именъ прилагательныхъ фонетическое *э*, какъ мы видѣли, уступило мѣсто звуку *ы* подъ вліяніемъ частью краткаго окончанія *ы*, частью же формъ другихъ падежей мн. числа на *ыхъ*, *ымъ*, *ыми*; ср. появленіе *ой* въ им. ед. подъ вліяніемъ окончаній на *ого*, *ому*, *омъ*: но худо́я, малад́я сохранились въ нѣкоторыхъ говорахъ и сами вытѣснили *ы* изъ другихъ падежей, что доказываетъ мосальская форма гарацкэх.

Въ говорахъ, о которыхъ мы говоримъ, переходъ *ы* въ ӧ открытое имѣло, повидимому, мѣсто послѣ замѣны звука *ы* звукомъ *і* въ положеніи за задне-небными согласными: такое предположеніе указывало бы на то, что глухей, пляхей (съ *г*, *х* мягкими) заимствовали свое *е* изъ формъ на *эй* (прастэй, худэй); соврем. мосальск. формы, какъ громкій, русскій, вялы́кій, строгій, каралеўськiй, могутъ восходить къ громкей, русскей (гдѣ *е* такого же происхожденія, какъ въ глухей). Что же касается ельнинск. дикый Добров. 434, вяликый 435, купеческый 339, каралеўский 339, атцоўский 435 и др., то *ый* здѣсь явилось, вѣроятно, подъ вліяніемъ окончанія *ый* въ ста́рый, до́брый и т. д. Ср. въ мосальск. говорахъ *ыи* вм. *іи* въ такы́и, плахы́и, деся́цкыи, а также въ ельнинск. крѣпкымъ 506, тихымъ 439, багатырскымъ 435, 494 и т. д.

Что касается звука *і* передъ неслоговымъ *і*, то врядъ ли слѣдуетъ допустить измѣненіе его въ *е*, измѣненіе параллельное съ измѣненіемъ *ы* въ ӧ откр.: переходъ *і* въ *е* (пей, пабей моск. и др.) аналогиченъ переходу ӧ въ *о*. Говоры, измѣнившіе ӧ открытое въ ӧ закрытое и далѣе въ *э*, сохранили *і* безъ измѣненія: вотъ почему и въ ельнинск. и въ мосальскихъ говорахъ мы найдемъ шыя, шия, не шея. Если же въ этихъ говорахъ, какъ указано выше, встрѣчаются пей, лей, пабей, то, можетъ быть, это новообразованія, явившіяся вм. и при пій, лій, набій, подъ вліяніемъ основы наст. вр., гдѣ исчезла гласная *і*: языкъ

зналъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ чередованіе *е* въ однихъ формахъ съ отсутствіемъ звука въ другихъ; вотъ почему при бью являлось бей (ср. салавей при салавья, день при дня) вм. бій, такъ какъ чередованіе *і* съ отсутствіемъ звука вообще не извѣстно. При наст. шыю (шью) въ повелит. накл. мы понятно найдемъ шый.

Выше было предположено, что нѣкогда звукъ э былъ болѣе распространенъ, чѣмъ теперь въ говорахъ, лежащихъ въ основаніи мосальскихъ и ельнинскихъ говоровъ, гдѣ вліяніе различныхъ аналогичныхъ образованій имѣло слѣдствіемъ замѣну этого звука — звуками *о*, *ъ*. Мнѣ кажется, что такое предположеніе находитъ основаніе еще въ слѣдующемъ обстоятельствѣ. Въ мосальскихъ и ельнинскихъ говорахъ мы находимъ *эй* вм. *ой* въ окончаніяхъ склоненія именъ существительныхъ и прилагательныхъ: думаю, что и въ этомъ случаѣ *э* фонетически восходитъ къ *ъ*, что я и постараюсь доказать, приведя сначала относящіеся сюда факты.

Въ мосальскихъ говорахъ находимъ: у аднэй деревни мѣс. ед., к святэй, чужэй р. ед., на другэй жанился, с аднэй, на тэй старанѣ, бальнэй, такэй р. ед., а другэй (дат. ед.) другой γодъ, съ какэй, аднэй каровы, у Сонотскэй волости, табѣ сухэй или сырэй травы, с тэй слободѣ, до свѣтэй, на страшнэй нядѣли и т. д. Также въ тв. ед. аднэю далбежкой, тэю дарогою; вин. тэю ту шапку.

Въ ельнинскихъ говорахъ: сидэй бороды Добр. 176, съ гнядэй лошади 187, на бальшэй дороги 492, живэй воды и мертвый 503 (тамъ же: и мертвэй), на духавэй нядѣли 220, аднэй шкуры 124, ляснэй дат. ед. 81, зъ буйнэй галавы 109, съ саломиннэй крыши 219 и т. д. Въ тв. ед. за другею 292, какею работыю 680, надъ тэю святэю ябланкаю 170, худэю долій II, 323, святэю рукою 193, якею судьбою 682 и др.; вин. тэе диричку 95, тэе дяреўню 116.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что *э* въ окончаніи род., дат., мѣс., тв. могло фонетически возникнуть въ формѣ одного изъ этихъ падежей и изъ нея перене-

стись въ формы другихъ падежей: извѣстно, что въ склоненіи жен. р. род., дат., мѣс. падежи не только въ прилагательныхъ, но и въ существительныхъ стремятся получить одно общее окончаніе, ср. напр. діалект. сестрѣ для всѣхъ трехъ указанныхъ падежей при діалект. сестры для этихъ же трехъ падежей. Вотъ почему мнѣ представляется необходимымъ при объясненіи формы худэй род., дат. и мѣс. возводить ее въ формѣ р. ед. худый, худыѣ: эта форма, извѣстная изъ древнихъ памятниковъ, жила въ языкѣ рядомъ съ формою худоѣ подобно тому, какъ при худою вин. ед. существовало худую (совр. худую при діалект. худою), и какъ при худой дат., мѣстн. ед. было извѣстно худѣй. Форма худоѣ принадлежала мѣстоименному склоненію, а худыѣ сложному склоненію прилагательныхъ. Переходъ худыѣ, откуда худый такъ же какъ при худоѣ явилось худой, и при худою въ тв. ед. худой (вліяніе двусложности нѣкоторыхъ падежей ед. ч.),—переходъ худыѣ, худый въ худэѣ, худэй вызвалъ чередованіе формъ худоѣ, худой съ формами худэѣ, худэй; то же чередованіе должно было возникнуть и въ окончаніяхъ дат. и и мѣстн. мн.: худэй при худой, и даже перенестись въ формы тв. п. именъ и мѣстоименій: худэй при худой, худэю при худою, аднэю, тэю; шубэй, бабэй (формы извѣстныя изъ Вытегорскаго уѣзда), собэй, со мнэй (тамъ же). Точно также въ вин. ед. мѣстоименій при тою, тоé (ср. ельнинск. таю II, 206, тае 222) возникли формы тэю, тэé. Всѣ эти соображенія показываютъ, что существованіе формъ какъ худэй, прастэй, аднэй въ склоненіи женскаго рода въ томъ или другомъ русскомъ говорѣ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ этомъ говорѣ нѣкогда имѣлъ мѣсто фонетическій законъ измѣненія *ы* въ положеніи передъ неслоговымъ *і* въ *э*; если же въ этомъ говорѣ не найдется другихъ свидѣтельствъ для такого перехода, если им. ед. муж. рода звучитъ въ немъ какъ *ой*, а не *эй*, а наст. вр. глаголовъ мыть, крыть и т. п. произносятся съ *ы* или съ *о*, а не съ *э*, надо заключать о позднѣйшемъ вытѣсненіи звука *э* изъ всѣхъ этихъ формъ

подъ вліяніемъ какой-либо звуковой аналогіи или сосѣднихъ говоровъ. Говоры, гдѣ въ род., дат., мѣстн. прилагательныхъ и мѣстоименій женскаго рода окончаніе звучитъ какъ *эй;* гдѣ слѣдовательно *ъг* передъ неслоговымъ *і* фонетически измѣнилось не въ *о*, а въ *э*, можно найти не только въ калужской, но также въ орловской, курской, тульской губерніяхъ.

3. Кромѣ положенія передъ неслоговымъ *і* и іотированными гласными, звукъ *е*, несмягчающій предшествующей согласной, мы находимъ въ словахъ: аттэль, аттэда, атсэда мосальск., аттэль, патэль ельнинск. (Добров. 178, 339, 680, 404), ср. такое же *е* послѣ смягченнаго *к* въ ельнинск. аткель 79, пакель 677, 404, пакелича 230, пакедаль 306, аткедыва 378, мосальск. аткеля. Происхожденіе такого *э* мнѣ не ясно; рядомъ извѣстны формы со звуками *о:* оттолѣ, *а:* пакаль ельнинск. II, 331, съ *у:* аткуль, патуль, пакуль ельнинск. 231, 91, 81; съ *ъ:* иттыле мосальск. Кромѣ того въ ельнинск. говорахъ находимъ *э* въ пóтэмъ въ значеніи потомъ 82, 94, 679, ср. мосальск. пóтам: происхожденіе *е* неясно. Въ мосальскихъ говорахъ извѣстно междом. γэс и γэс' съ открытымъ и закрытымъ *э* (это междометіе употребляется при отгоняніи свиней). Звукъ *е*, несмягчающій предшествующей согласной, послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ, каковы *ж*, *ш*, восходитъ къ первоначальному *е*.

О переходѣ звуковъ *ы, у, и* въ звуки неполнаго образованія.

Объ относящихся сюда явленіяхъ ельнинскихъ говоровъ было сказано выше. Въ мосальскихъ говорахъ мы можемъ найти вмѣсто этихъ звуковъ — звуки ряда *а, о, е*, частью теперь уже полнаго образованія; непосредственно *а, о, е* восходятъ къ звукамъ ɑ, ɛ, въ которые, можетъ быть, при какихъ-нибудь опредѣленныхъ условіяхъ переходили гласныя *ъ, у, и*.

1. Вм. *и* мы нерѣдко найдемъ звуки *а (я)* и e^2 въ положеніи передъ твердыми согласными въ конечномъ слогѣ, слѣдующемъ за ударе́ніемъ: ѣ́здял, вы́пял, ко́нчал, ба́рян; ба́ре²н, пу́гаве²ц, атьвѣ́те²ў. Также въ открытомъ конечномъ слогѣ (это только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, у меня отмѣчена Козловка на границѣ Рославл. уѣзда): куса́ля, паби́ля. Кромѣ того я слышалъ e^2 вм. *и* въ па-сте²ра́ть, тре²на́цать: происхожденіе такого e^2 мнѣ не ясно.

2. Вмѣсто конечнаго *у* въ открытомъ слогѣ является *а (я)* въ формѣ вин. ед. ж. р.: каку́я, восьму́я.

3. Вмѣсто *ы* въ слогѣ передъ ударе́ніемъ *а*: кола-ша́; чередованіе ка́лыха́ть, ка́лаши́ приравнено чередованію пыха́ть — паши́. Непонятно *а* въ мать сара́ земля́. Въ открытомъ конечномъ слогѣ *ы* измѣнилось въ *а* въ ани́ ба. Въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударе́нію, звукъ *ы* можетъ ассимилироваться гласной *у* предшествующаго слога: мужуки́, мужука́м, мужукоў, пузурёчкам, ср. приведенныя выше: дурука, рукува, хрустуля и т. д.

Звукъ *и* въ началѣ слова можетъ подвергаться отпаденію, а въ положеніи послѣ гласной измѣненію въ неслоговой звукъ. Ср. ллюша вм. Ильюша, вм. чего и Аллюшка, γо́лочку вм. иголочку, γу́меньшей вм. игуменьшей. Въ ельнинскихъ говорахъ находимъ: за йзвощика 548, а йдѣжъ 688, 548, во й давай 700, замѣтила йна 627, ты йшла съ марскога ключа 195, а во йдѣ 343, ня ўвидинъ ли йдѣ 467, съ Ягорья да Йвана 215, я й тваю прастіў 701, у вайзбушку 468. Ср. также въ серединѣ словъ: няйдётъ II, 324, няйдеть 699, нейди 373, 690, выйграить 639, выйграли 443, пайграть 256, зайграли 248, зайграйтя 378, пайска́ть 648, пайщи 642, пайщу 347 и т. д.

О чередованіи звука *у* съ *у* неслоговымъ и *в* я скажу ниже въ отдѣлѣ о согласныхъ.

Звуки *у, ы, и.*

Разсмотрю здѣсь нѣсколько явленій, связанныхъ съ этими звуками. Звукъ *у* въ положеніи между мягкими звуками переходитъ въ ӱ, напр. ɣаманӱньня (говорунья), паклӱэть (поклюетъ), дајӱть, бьјӱть, сѣрѣӱчи (при лѣвѣючи), лѣвѣӱчи. Тоже послѣ мягкихъ согласныхъ: пенькӱ, чайкӱ (пеньку, чайку). Вм. *у* неслогового ӱ неслоговое передъ мягкой согласной: дѣӱки.

Объ измѣненіи *у* въ *ъ*, въ особенности послѣ *л*, въ ельнинскихъ говорахъ было сказано выше, въ первой статьѣ.

Звукъ *ъ* въ нѣсколькихъ словахъ чередуется съ *и*, именно послѣ губныхъ. Не стоитъ ли это въ связи съ потерею губными своего лабіализованнаго характера, причемъ вмѣсто лабіализованныхъ губныхъ являлись смягченныя въ положеніи передъ звукомъ *ъ* по той же причинѣ почему лабіализованныя задненёбныя согласныя во всѣхъ говорахъ русскаго языка измѣнились въ смягченныя средненёбныя въ положеніи именно передъ тѣмъ же звукомъ? Такъ мы находимъ: високай мосальск., вийдеть (вм. выйдетъ), високая ельнинск. 468, високую 417, високыя 84, високо 217, висока 613, 658, на високій ёлки 708; кавирять 343, митать 700, замичѣли 700, стало бить мосальск. Условія, при которыхъ губныя теряли свою лабіализацію передъ *ъ*, недостаточно ясны. Въ милыстину 614 при милыстыню тамъ же видимъ различные суффиксы: *гина* и *ыня*. О появленіи *ы* вм. *и* послѣ задненёбныхъ въ словахъ какъ такы́и, плахы́и см. выше.

Звукъ *и* въ началѣ нѣкоторыхъ словъ звучитъ какъ *ји*: такъ мы въ мосальскихъ говорахъ найдемъ не только јихъ, за јим, до јих, но также: ји́стинный, ји́шшешь, ји́щуть, ји́ва, ји́вники, ји́наче, ји́споль (исполу), ји́стари, ји́мянно. Чередованіе литер. и діалект. *и* съ ельнинск. и мосальск. *е* въ яецъ II, 209, два яечка, яешня, яешница не вполнѣ ясно: во всякомъ случаѣ яи́цъ надо объяснять

изъ я́ицъ, а это вм. я́ецъ, м. б., подъ вліяніемъ яйца. Звукъ *и* развивается передъ начальными *р*, *л* въ ильду мосальск. и ельнинск. 206, мосальск. Ильвоў (фамилія), ильна, ильни, ильну, илгеть, и́ржи (вм. ржи), ельн.: ирваў 234, ильвы 495, 630, ирвали II, 72, ирветь 639, ильвица 493, илгешъ 468, иржища 639, ильвяненка 497; ср. рядомъ ливяненыкъ 493, 492, ливяненка 493, ливянятками 496. При илгешъ находимъ и аўге́шъ.